

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
_____
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность
_____
(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Оперативно-розыскная деятельность
_____
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Вина как обязательный признак субъективной стороны преступления»

Обучающийся

Д.В. Федин

_____
(Инициалы Фамилия)

_____
(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Л.Н. Кабанова

_____
(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Вина – это признак субъективной стороны состава преступления. В статье 8 УК РФ определяются основания привлечения к уголовной ответственности, вина – обязательный признак любого состава преступления.

Установление такого субъективного признака состава преступления как вины, ее форм и видов позволяет принимать правильные квалификационные решения преступлений. Существуют определенные различия в правовых системах разных стран, но основные положения уголовного права могут быть существенно схожими.

Вина состоит из двух элементов: интеллектуального и волевого, эти элементы вины образуют две формы-умысел и неосторожность.

С течением времени, и развитием общества, к объективному вменению присоединяются признаки субъективного взгляда на вред, причиненный лицом, выражению внутренней стороны виновного придают всю большую значимость. Вина является не только правовой категорией, а также социальной, понятием философским, граничащим с этикой, психологией. Следовательно, проблемы «вины» не ограничиваются лишь рамками правовых наук, в частности уголовного права. Законодательного закрепления понятие вины не получило. Однако, вину можно определить, как психическое отношение лица к совершаемому.

Для того чтобы свести к минимуму ошибки при определении формы вины, крайне важно, чтобы субъект правоприменения всестороннее и исчерпывающее проводил расследование конкретного дела, что является необходимым условием для правильного разрешения дела по существу. Наличие следственных ошибок оказывает негативное влияние на правильное определение формы вины. Представляется, что решение таких проблем может быть достигнуто только путем регулярного повышения квалификации сотрудников, проводящих предварительное расследование.

Цель исследования – комплексный анализ вины как обязательного признака субъективной стороны преступления, выработка на этой основе научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации.

Объект исследования – общественные отношения, формирующиеся в процессе исследования вины как обязательного признака субъективной стороны преступления.

Предмет исследования – совокупность правовых норм уголовного законодательства Российской Федерации, учебно-методические материалы, монографии, научные статьи, материалы судебной практики.

Теоретическая значимость исследования определяется повышенным вниманием к проблеме вины и ее формах в уголовном праве.

Практическая значимость исследования определяется тем, что содержащиеся в работе выводы, предложения и рекомендации могут быть использованы в практической деятельности и в научных исследованиях, посвященных исследованию особенностей вины как обязательного признака субъективной стороны преступления.

Структура и объем выпускной квалификационной работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	5
Глава 1 Вина как основной признак субъективной стороны преступления	7
1.1 Развитие института вины в российском уголовном праве	7
1.2 Понятие и содержание вины в российском уголовном праве	15
Глава 2 Формы вины	25
2.1 Умысел и его виды	25
2.2 Неосторожность и ее виды	32
2.3 Преступления с двумя формами вины	42
Глава 3 Актуальные проблемы концепции вины в уголовном праве России	48
Заключение	55
Список используемой литературы и используемых источников	67

Введение

Вина является центральным институтом уголовного права. Вина – это признак субъективной стороны состава преступления. В статье 8 УК РФ определяются основания привлечения к уголовной ответственности, вина – обязательный признак любого состава преступления.

Установление такого субъективного признака состава преступления как вины, ее форм и видов позволяет принимать правильные квалификационные решения преступлений. Существуют определенные различия в правовых системах разных стран, но основные положения уголовного права могут быть существенно схожими.

Форма вины заключается в совокупности интеллектуальных и волевых процессов, возникающих в психике лица, виновного в совершении преступления по отношению к объективным признакам общественно опасного деяния. Следовательно, вина, как и деяние, представляет собой понятие, включающее в себя признаки, присущие к каждому конкретному виду отдельно, однако имеет общий характер и включает признаки для всех видов в совокупности. Для умысла характерно психическое отношение к действию и последствиям, для неосторожности – только к последствиям.

С течением времени, и развитием общества, к объективному вменению присоединяются признаки субъективного взгляда на вред, причиненный лицом, выражению внутренней стороны виновного придают всю большую значимость. Вина является не только правовой категорией, а также социальной, понятием философским, граничащим с этикой, психологией. Следовательно, проблемы «вины» не ограничиваются лишь рамками правовых наук, в частности уголовного права. Законодательного закрепления понятие вины не получило. Однако, вину можно определить как психическое отношение лица к совершаемому.

Для того чтобы свести к минимуму ошибки при определении формы вины, крайне важно, чтобы субъект правоприменения всестороннее и

исчерпывающее проводил расследование конкретного дела, что является необходимым условием для правильного разрешения дела по существу. Наличие следственных ошибок оказывает негативное влияние на правильное определение формы вины. Представляется, что решение таких проблем может быть достигнуто только путем регулярного повышения квалификации сотрудников, проводящих предварительное расследование.

Понимание вины, ее форм и видов позволяет органам, производящим предварительное расследование принимать правильные квалификационные решения.

Концептуальные элементы, влияющие на природу и значение вины, в значительной степени отличаются друг от друга. Однако исследование зарубежного права и судебной практики показывает, что проблемы, с которыми сталкивается национальная судебная система при установлении вины, очень схожи

Цель исследования – комплексный анализ вины как обязательного признака субъективной стороны преступления, выработка на этой основе научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- изучить историю развития института вины в российском уголовном праве;
- проанализировать понятие и содержание вины в российском уголовном праве;
- рассмотреть умысел и его виды;
- дать общую характеристику неосторожности и ее видам;
- исследовать преступления с двумя формами вины;
- определить влияние вины на квалификацию преступлений;
- выявить актуальные проблемы концепции вины в уголовном праве России.

Объект исследования – общественные отношения, формирующиеся в процессе исследования вины как обязательного признака субъективной стороны преступления.

Предмет исследования – совокупность правовых норм уголовного законодательства Российской Федерации, учебно-методические материалы, монографии, научные статьи, материалы судебной практики.

Методология и методы исследования. Методологическая основа данного исследования сформирована путем использования диалектического метода познания, а также иных методов: сравнительно-правового, анализа, синтеза, индукции, дедукции, формально-юридического, исторического.

Теоретическая значимость исследования определяется повышенным вниманием к проблеме вины и ее формах в уголовном праве.

Практическая значимость исследования определяется тем, что содержащиеся в работе выводы, предложения и рекомендации могут быть использованы в практической деятельности и в научных исследованиях, посвященных исследованию особенностей вины как обязательного признака субъективной стороны преступления.

Структура и объем выпускной квалификационной работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Вина как основной признак субъективной стороны преступления

1.1 Развитие института вины в российском уголовном праве

Принцип вины в установлении уголовной ответственности всегда был присущ уголовному праву России. Правда, нельзя не отметить, что в истории нашего государства был период (30-50-е годы 20 столетия), когда этот принцип отвергался значительной частью ученых в области уголовного права. Сегодня об этом отрезке времени мы не можем говорить без сожаления.

Необходимо подчеркнуть, что «отдельные черты зарождения института вины прослеживаются еще в Русской Правде, которая, как известно, существовала в трех основных редакциях: Краткой, Пространной и Сокращенной. Следует отметить, что русский правовой кодекс строился по казуальной системе - юридическая техника древности и средневековья, законодатель стремился предусмотреть все возможные жизненные ситуации.

В русском праве переход от казуальных норм к абстрактным произошел в начале XVIII в. Именно поэтому Русская Правда не знала абстрактных юридических понятий, каким, в частности, является понятие вины. В кодексе существовали лишь отдельные случаи, когда психическое отношение лица к деянию и последствиям влияло на степень его ответственности. Так, например, в ст. 6 Пространной редакции Русской Правды указан такой вид убийства, как «на пиру явлено», а в ст. 7 – убийство «на разбое без всякой свады»» [13, с. 10].

«В первом случае подразумевается неумышленное, открыто совершенное убийство в состоянии алкогольного опьянения (что являлось смягчающим обстоятельством). Во втором случае – предумышленное, совершенное из корыстных побуждений (что, в свою очередь, отягчало ответственность лица) убийство, сопряженное с разбоем (хотя на практике можно было умышленно убить и на пиру, а по неосторожности – при разбое).

Следует также отметить, что в Русской Правде еще сохраняются древнейшие элементы обычая, связанные с принципом талиона (кровная месть), продолжает существовать круговая порука. Все это свидетельствует об отсутствии принципа личной ответственности субъекта.

Впервые термин «вина» появляется в юридических текстах в XVI в. Однако, критерием, которым определялся уголовно-правовой характер деяния, была не столько вина преступника, сколько степень нарушения общественного интереса. Также в судебных актах XVI в. предписывалась необходимость выяснять форму вины. Тогда же, наряду с понятием «неумышленное убийство», известное еще в Русской Правде, появляется термин «случайное убийство», не влекшее за собой ответственности» [36, с. 68].

Соборное Уложение 1649 г. «уже более четко разграничивало преступления на умышленные, неосторожные и случайные. Следует отметить, что грань между неосторожностью и случайностью 178 оставалась размытой. Для Соборного Уложения характерно сохранение архаичного и репрессивного принципа объективного вменения: наказание следует не за мотив преступления и степень вины лица, а за результат преступного деяния. Именно поэтому за неосторожные преступления наказывали также, как за умышленные» [4].

Артикул воинский 1715 г. Петра I «имел достаточно высокую юридическую технику: законодатель впервые стремился использовать наиболее емкие и абстрактные юридические формулировки и отошел (хотя не в полной мере) от традиционной для русского права казуальной системы. Все это, конечно, оказало влияние и на развитие института вины. Преступления, также, как и ранее, подразделялись на умышленные и неосторожные. Законодатель обращал внимание на степень случайности – грань между неосторожным и случайным преступлением была весьма тонкой» [5, с. 291]. Следует отметить, что наступление ответственности для достаточно большого числа составов было твердо связано с принципом виновности. Так, например,

159 артикул предписывал: «весьма неумышленное и ненамеренное убийство», у которого «никакой вины не находится, оно без наказания отпустится» [5, с. 291].

Однако, выделив субъективную сторону преступления, законодатель все же полностью не отказался от принципа объективного вменения – нередко неосторожные действия наказывались так же, как и умышленные. Вместе с преступником несли ответственность лица, не совершавшие преступления – его родственники.

Кроме того, следует отметить, что «преступление делилось на стадии: умысел, покушение на преступление и законченное преступление. В ряде случаев законодатель предусматривал наказание за один только умысел (в государственных преступлениях), а по некоторым видах преступлений (например, квалифицированное убийство, поджог) умысел наказывался наравне с законченным преступлением.

В 1845 г. было принято новое Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. В нем прослеживался более детализированный подход законодателя к субъективной стороне преступления.

Умысел делился на два вида: умысел с заранее обдуманном намерением и умысел с внезапным побуждением (непредумышленный). Наказание за совершение преступления с первым видом умысла было более строгое.

Неосторожность делилась также на два вида: неосторожность, при которой последствия деяния не могли быть с легкостью предвидены и неосторожность, при которой вредных последствий невозможно было предвидеть вообще» [26, с. 178].

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в последней его редакции 1885 г. было призвано систематизировать нормативные акты, предусматривающие уголовную ответственность. Однако полностью устранить противоречия и различия в организующих принципах не удалось. К новшествам данного кодекса можно отнести деление умышленных преступлений на совершенные хладнокровно и совершенные в состоянии

аффекта. Параллельно существовала и прежняя классификация умысла (предумышленный и внезапный). Также кодекс предусматривал три типа неосторожности – тяжелая, средняя и легкая» [5, с. 292].

Острее различия в психическом отношении лица к совершенному деянию прослеживаются во времена появления первых грамот и судебныхников.

В случае совершения убийства, лицо, виновное в его совершении, подвергается пыткам. Вид ответственности будет дифференцироваться согласно тому, каким обычаем данное деяние совершено - с умыслом или же в состоянии «пьяном».

Что касается дальнейшего развития субъективного начала и его влияния на квалификацию деяний, то Алексей Михайлович в своем Уложении наиболее точно и основательно уделяет внимание вопросам о разграничении видов вины. Однако отклониться от «объективного» до конца не представлялось возможным. Под понятие вины в форме неосторожности часто безосновательно попадали деяния, совершенные путем случайного причинения вреда. В последующем можно также проследить определение вида ответственности и привлечения к ней скорее за фактическую сторону совершенного деяния, выражающуюся в совокупности объективных признаков, чем за волю лица, заключающуюся в преступном, общественно - опасном волевом стремлении. Содержание психической стороны деяния включается в понятие вины как обязательный признак субъективной стороны состава преступления. В советский период, согласно правовым нормам того времени, отдельно взятое и конкретизированное действие или же бездействие представляло собой всякое преступление. В данное понятие также включалась деятельность, организованная определенным образом. Объективное вменение оставалось за рамками советского уголовного права так же, как и привлечение к ответственности за рождение мыслей или же пребывания личности в опасном для общества состоянии. Хвостов М. отмечает, что одной из главных и остро возникающих проблем уголовного права советского периода является проблема вины. Определяющие институты уголовного права будут строиться

в том случае, если данная проблема будет грамотно решена. Это безусловно приведет к укреплению законности, а также к порядку в организации деятельности органов государства, уполномоченных осуществлять действия, направленные на организацию борьбы с преступностью в стране.

«По Своду российских законов неосторожная вина наказывалась на основании особых постановлений или по усмотрению суда при наличии особых обстоятельств; то же самое предусматривал Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Сенат на практике часто руководствовался принципом объективного вменения (достаточно было факта совершения преступления, вина же лица не выяснялась)» [5, с. 292].

Также необходимо отметить, что «в данное Уложение был включен «принцип аналогии», дающий право суду дополнять закон в случаях пробелов в праве.

Закон предусматривал наказание за голый умысел в разряде государственных преступлений, за угрозу (даже нереальную) поджога.

Особенно хотелось бы отметить так полностью и не вступившее в действие Уголовное уложение 1903 г., в разработке которого принимал активное участие известнейший российский юрист, ученый европейского масштаба Н.С. Таганцев.

Определение умысла и неосторожности, данное в Уложении, практически полностью сохранилось до настоящего времени. Ответственность за неосторожные преступления наступала по данному уголовному закону лишь в специально оговоренных случаях» [4, с. 38].

Также хотелось бы обратить внимание на уровень законодательной трактовки принципа вины. В Уложении 1903 г. он значительно выше, по сравнению с уголовным законодательством западноевропейских стран начала XX в. То же самое можно сказать и в отношении всей юридической техники данного законодательного акта [2, с. 115].

В 1913 г. с началом Первой мировой войны уголовное право подвергается изменениям, вызванным чрезвычайными 180 обстоятельствами.

Возвращается применение принципов объективного вменения и аналогии. После революции 1917 г., уже в первых декретах советской власти понятие вины используется как один из важнейших институтов уголовного права.

В декабре 1919 г. Наркомюст принял Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, «ставшие первой попыткой обобщения практики судов и трибуналов в новых условиях. Понятие и формы вины в данном законе не расшифровывались. Недостаточное внимание к трактовке субъективной стороны преступления приводило к усилению принципа объективного вменения, когда степень наказания связывалась с результатом преступления. Однако следует отметить, что влияние революционных идей коснулось и данного антигуманного принципа. Теперь на меру наказания влияли не только последствия преступления, но и социальная принадлежность преступника («принадлежащий к имущему классу» или «неимущий») и социальной направленности деяния («в интересах угнетающего класса» или нет). Так же действовал принцип аналогии. В УК РСФСР 1922 г. термин «вина» вообще не упоминался. Однако, определения умысла и неосторожности были настолько удачны, что сохранялись в уголовном законодательстве на протяжении десятилетий» [27, с. 179].

«В двадцатых и начале тридцатых годов двадцатого столетия принцип ответственности только за деяния, совершенные виновно, подвергался серьезным нападкам со стороны партийных работников, т.к. он, якобы, не отражал реальных общественных отношений социалистического государства.

Следует отметить, что противники «виновной ответственности» не получили серьезной поддержки, хотя и имело место отступление от принципа личной ответственности субъекта и от принципа вины. Так, в соответствии с УК 1934 г., несовершеннолетние члены семьи осужденного за измену Родине, совместно с ним проживающие к моменту совершения преступления, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири сроком на 5 лет» [4, с. 39].

«Вплоть до 1958 г., когда были приняты Основы уголовного законодательства ССР и союзных республик, уголовная политика государства велась в том же направлении. Практически сразу же, в 1960 г. на базе вышеуказанных Основ уголовного законодательства был принят новый УК РСФСР. В этих законодательных документах впервые в специальной норме были сформулированы основания уголовной ответственности (ст. 3), где указано на вину как на субъективное основание уголовной ответственности. Кроме того, были уточнены формулировки умысла и неосторожности. Эти два нормативных акта ознаменовали собой начало новой эпохи развития института вины в уголовном праве нашего государства» [27, с. 180].

В 1991 г. были приняты Основы уголовного законодательства ССР и республик, в которых прямо указывалось, что вина является необходимым субъективным основанием уголовной ответственности. К сожалению, из-за распада СССР Основы не вступили в законную силу.

«Принятый УК 1996 г. впервые выделил самостоятельную главу 5 «Вина», значительно уточнив и расширив этот институт уголовного права и законодательства Российской Федерации, что, безусловно, явилось результатом последовательной научной разработки основных положений субъективной стороны преступления, а также тех многочисленных дискуссий о вине, которые имели место в теории уголовного права в предшествующие годы. Речь идет о дискуссии, представителем которой был Б.С. Утевский» [32, с. 64].

Суть взглядов сторонников психологической теории вины состояла в том, что вина существует объективно, вне сознания юристов. Именно Б.С. Утевским «была сделана попытка совместить объективный и субъективный фактор в понимании вины. Он считал, что «наряду с более узким пониманием вины как элемента состава преступления, как субъективной стороны состава преступления, т.е. умысла или неосторожности... уголовное право знает более широкое понимание вины как

основания уголовной ответственности». Вина в таком качестве, по мнению Б.С. Утевского, есть «совокупность обстоятельств, заслуживающих, по убеждению... суда, отрицательной общественной... оценки от имени... государства и требующих уголовной ответственности подсудимого». Такой подход к пониманию вины вызвал резкую критику, причины которой носили в основном идеологический характер» [1].

1.2 Понятие и содержание вины в российском уголовном праве

Любая отрасль права «основана на системе принципов, которая пронизывает всю систему и содержание норм уголовного права. Одним из основных принципов уголовного судопроизводства является принцип вины, привлечение к уголовной ответственности происходит после доказательства вины, не допускается привлечение к уголовной ответственности за невиновное причинение вреда.

Следует отметить, что принцип вины неотделим от совокупности объективных и субъективных признаков состава преступления. Основной признак субъективной стороны является вина, без вины не может быть состава преступления.

Существует большое количество различных теоретических концепций вины. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, «концепция оценки вины (оценка судом всех субъективных и объективных обстоятельств, связанных с преступлением);

Во-вторых, психологическая теория (в которой вина рассматривается как общий термин для обозначения умысла и небрежности, представляющий психическое отношение субъекта преступления к своему поведению и его последствиям, выраженное через умысел или небрежность)» [29].

А.И. Рарог считает, что форма вины заключается в совокупности интеллектуальных и волевых процессов, возникающих в психике лица, виновного в совершении преступления по отношению к объективным

признакам общественно опасного деяния. Следовательно, вина, как и деяние, представляет собой понятие, включающее в себя признаки, присущие каждому конкретному виду отдельно, однако имеет общий характер и включает признаки для всех видов в совокупности. Для умысла характерно психическое отношение к действию и последствиям, для неосторожности – только к последствиям [23].

Следовательно, признаком интеллектуальной стороны прямого умысла будет являться осознание объекта посягательства, хотя бы в общих чертах. Интеллектуальную сторону прямого умысла образует факт отражения в сознании лица совокупности тех событий, которые могли бы произойти в будущем или произойдут в настоящем, то есть мысленное отражение в сознании виновного общественно опасных последствий, а именно вреда, который повлечет за собой совершение опасного деяния. При совершении деяния с прямым умыслом лицо имеет представление о фактическом содержании всех изменений, касающихся объекта, понимает социальное значение, и осознает наличие причинно-следственной связи между вредом и деянием. Направление воли субъекта, определяющееся в уголовном законе как желание наступления негативных последствий характеризует волевой элемент прямого умысла. Виновный считает необходимым наступление последствий, считая их нужными, и значимыми на пути к достижению цели. Материальные составы преступлений, связывают желание с общественно опасными последствиями прямым образом. В формальных составах, обязательным признаком, которых является сам факт совершения деяния, волевое содержание умысла охватывается лишь волевым отношением к общественно опасным действиям (бездействию). Следовательно, при совершении преступлений с формальным составом волевой элемент умысла всегда заключается в желании совершить общественно опасные действия, запрещенные уголовным законом, т.е. он может быть только прямым. Необходимо отметить, важный критерий прямого умысла, заключающийся в направленности. Она представляет собой концентрацию интеллектуального и

волевого аспекта именно на совершении действий, причиняющих ущерб, совершаемых определенным способом.

Вина как психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию, его общественно опасным последствиям и иным юридически значимым обстоятельствам определяется В.В. Лунеевым.

Более широкое определение вины дает Е.Н. Ярмонова: «вина – это юридическая категория, обозначающая связь внутреннего мира человека с совершенным противоправным деянием в виде психического отношения к нему в определенных формах и, следовательно, являющаяся одним из оснований для субъективного вменения, квалификации правонарушения» [38, с. 217].

Несмотря на многообразие подходов, можно выделить критерии объединяющие все указанные концепции:

- «вина – это психическое (сознательно-волевое) отношение человека к определенным объективным явлениям;
- это психическое отношение не только к явлениям, но и к их последствиям;
- человек осознает общественную вредность своих действий и их последствий» [37, с. 69].

По мнению Б.С. Утевского, вина как основание уголовной ответственности должна включать в себя следующее:

- «наличие совокупности субъективных и объективных обстоятельств, характеризующих подсудимого, совершенное им преступление, последствия, условия и мотивы совершения преступления;
- негативная общественная (морально-политическая) оценка со стороны социалистического государства всех этих обстоятельств;
- убеждение советского суда в том, что действия подсудимого на основании этой оценки должны повлечь за собой уголовную, а не какую-либо иную (административную, дисциплинарную, гражданско-правовую) ответственность» [32, с. 103].

Оценочная теория вины получила полное развитие в работах Б.С. Утевского и Т.Л. Сергеевой. Так, Б.С. Утевский, «определяя вину с точки зрения оценочной теории, определяли, что понятие вины как общего основания уголовной ответственности включает в себя следующие признаки: субъект, совершенное им преступление, последствия, условия и причины преступления.

В постановлении Советского суда, согласно этой оценке, поведение подсудимого должно включать уголовную ответственность, а не другие (административные, дисциплинарные, гражданско-правовые) обязанности» [32, с. 66].

Таким образом, преступление, являющееся общим основанием уголовной ответственности, представляет собой совокупность обстоятельств, рассматриваемых судом.

По мнению А.В. Наумова, «вина – психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности» [17, с. 495].

На наш взгляд, психолого-оценочное понятие вины следует рассматривать в неразрывном единстве. Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что определение вины в уголовном праве должно следовать законодательной модели, ведь на законодательном уровне отсутствует определение вины как в статье 5, так и в главе 5 «Вина» УК РФ, что, безусловно, является пробелом. Как уже отмечалось, определение форм вины относится к психическим и социально-психологическим признакам этих явлений. В этом смысле родовое понятие должно включать в себя все качественные свойства определяемых явлений. И, следовательно, содержание редакции ч. 2 ст. 5 УК РФ нуждается в дополнении, а именно включении в него определения вины: «Вина – психическое отношение лица, достигшего возраста ответственности, к общественно опасному деянию и его последствиям в виде умышленного противоправного действия или неосторожности, предусмотренное особенной частью УК РФ» [31].

Понимание вины, ее форм и видов позволяет органам, производящим предварительное расследование принимать правильные квалификационные решения.

Концептуальные элементы, влияющие на природу и значение вины, в значительной степени отличаются друг от друга. Однако исследование зарубежного права и судебной практики показывает, что проблемы, с которыми сталкивается национальная судебная система при установлении вины, очень схожи [14, с. 190].

В Англии, Соединенных Штатах Америки и других странах, использующих правовую модель общего права, вина является довольно широкой категорией, поскольку она рассматривает мотивацию и цели как обязательные компоненты злого умысла, такие как моральная стабильность психического состояния. Здесь необходимо решить, достоин ли морального порицания когнитивный прогресс индивидуального компонента – это ключевая модель соблюдения прав человека и гражданских прав и свобод [14, с. 21].

Вина является «необходимым условием уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний, а также одной из важнейших категорий в уголовном праве. Это позволяет отделить виновное поведение от поведения, которое имеет признаки объективных аспектов преступления, но не является преступлением» [37, с. 70].

Исследователи отметили, что для определения вины необходимо установить не только субъективные, но и объективные признаки состава преступления.

Считаем, что объективным критерием привлечения к ответственности является реальная общественная опасность.

Как отмечает А.Г. Агачева, в теории уголовного права можно выделить следующие основные концепции вины.

«Теория опасного состояния. В рамках данной теории, вина за совершенное деяние является вторичной по сравнению с социальной опасностью личности, как таковой.

Таким образом, совершение личностью общественно опасного деяния при определенных обстоятельствах свидетельствует об опасности поведения личности, в рамках чего вина за совершение деяния является доказанной.

Психологическая теория вины. Данная теория рассматривает вину в качестве психологического отношения субъекта преступления к совершаемому им деянию» [1, с. 95].

К настоящему времени в уголовном праве Российской Федерации (и большинства государств континентальной правовой семьи) принята психологическая теория вины, которая предусматривает, что суд изучает внутреннюю психологию поведения субъекта преступления. Такого рода исследования проводятся путем анализа аспектов воли (способность контролировать свое собственное поведение) и интеллект (способность осознавать свое собственное поведение). Кроме того, для того чтобы провести различие между умыслом и причинением вреда по неосторожности (учитывая, что многие преступления могут быть совершены совершенно сознательно), важно определить психологическое отношение человека к возможным последствиям его действий.

Так, по мнению Ю.В. Сокол, психологическая теория вины напрямую не основана на достижениях современной психологической науки. В рамках этой универсальной теории непонятно, каковы условия возникновения ответственности: психологическое сознание виновного в нем субъекта или оценка конкретной формы вины в его поведении сотрудниками, производящими предварительное расследование.

На наш взгляд, психологическое осознание вины субъекта само по себе не считается основанием для привлечения лица к ответственности. В противном случае это приведет к тому, что, например, опытный вор-рецидивист, живущий по так называемому «Воровскому закону», должен быть

признан невиновным, потому что он не осознает своего преступления, потому что убежден в невиновности своих действий.

Как справедливо отмечает М.Г. Телкина, «интеллектуальный момент вины отвечает за сознание. Категория сознания в данном аспекте неразрывно связана с категорией вменяемости субъекта преступления. Очевидно, что про вменяемость, как признак субъекта преступления, можно говорить лишь в том случае, если вышеуказанный субъект осознавал свои действия и последствия своих действий либо должен был их осознавать (в случае преступной небрежности). Если волевой аспект вины по своей сути является бинарным, так как устанавливает наличие или отсутствие возможности лица контролировать свои действия, то интеллектуальный аспект более сложный. Осознание своих действий не всегда связано с осознанием своих действий как преступных [29].

В данном аспекте необходимо отметить, что уголовный закон требует, чтобы субъект осознавал сам факт своих действий, но не обязательно субъект должен осознавать их преступность. В то же время, незнание закона, устанавливающего ответственность, не означает отсутствие вины в совершении преступления в соответствии с принципом *ignorantia legis neminem excusat*. Сознание человека отвечает не только за осознание действий, но и за форму такого осознания – форму вины. В уголовно-правовой доктрине выделяют две основные формы вины: умысел (в т.ч. прямой и косвенный умысел), а также неосторожность (в т.ч. небрежность и легкомыслие)» [29].

Как отмечал М.С. Гринберг, «субъект косвенного умысла предвидит конкретную возможность вредного последствия, которая, по мнению субъекта, должна наступить с неизбежной или высокой вероятностью, в то время как субъект легкомыслия – лишь абстрактную возможность, которая, по мнению субъекта, не должна наступить. В данном контексте также следует отметить двойную форму вины» [6].

Как отмечает О.В. Полякова, суть двойной формы вины состоит в том, что в результате одного фактического деяния наступает два последствия: при

этом, с интеллектуальной стороны к одному из таких деяний лицо относится с умыслом, а ко второму – с неосторожностью.

Таким образом, вопрос о виновности в момент совершения преступления очень важен для определения правомочности совершения преступления. В то же время, «с субъективной точки зрения, следует оценивать не только отношение лица к преступлению, но и отношение лица к некоторым квалифицированным признакам совершенного преступления» [29].

Различные интерпретации позволят установить объективную принадлежность, то есть начало ответственности (в соответствии со стандартами беременности), независимо от психологического отношения субъекта к совершенному им поведению. В то же время следует отметить, что в конкретных нормах особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации по данному вопросу существует определенная степень несогласованности.

В теории уголовного права России под виной понимается «психическое, субъективное отношение лица к содеянному в форме умысла или неосторожности» [3, с. 304].

Различие между этими формами вины лежит в области трех когнитивных элементов: сознания, предвидения и воли. Исходя из этого, законодатель установил понятия умысла и неосторожности. Они скрывают ту же концепцию оценочной этики в форме антиобщественного (преднамеренного) или недостаточно осторожного (безрассудного) поведения достойных порицания людей.

Конечно, судебная практика превратила эти психологические характеристики человеческого поведения в сугубо прагматичный, сугубо объективированный умысел. Этот умысел «связан» с общественно опасным поведением.

Можно сказать, что независимо от конкретных обстоятельств, связанных с понятием вины в уголовном праве, разъясняется определение

вины и ответственности за вину. В настоящее время характер и уровень несколько иные. Поэтому в общей части УК РФ говорится о большом количестве видов преступлений, вызванных пересечением границ умысла [15, с. 175].

Различают только четыре формы вины: вина с прямым и косвенным умыслом, халатность и неосторожное обращение. Нет строгой границы между косвенным умыслом и халатностью, и халатность содержит наименьшее количество субъективных компонентов, которые трудно отличить от правил строгой ответственности? Исламское право в основном имеет дело с умыслом, но классифицируется по видам (для определенных преступлений необходимо доказать конкретную цель, то есть возможен только прямой умысел, и различают до пяти видов умысла на убийство).

Конечно, теория наиболее точного уровня вины очень высока, но этот уровень полностью применим к преступлениям, которые ставят под угрозу жизнь и здоровье, и его влияние на определенность наказания весьма специфично. Например, в Японии смерть или увечье в результате небезопасного вождения считается умышленным преступлением.

Таким образом, форма вины заключается в совокупности интеллектуальных и волевых процессов, возникающих в психике лица, виновного в совершении преступления по отношению к объективным признакам общественно опасного деяния. Следовательно, вина, как и деяние, представляет собой понятие, включающее в себя признаки, присущие к каждому конкретному виду отдельно, однако имеет общий характер и включает признаки для всех видов в совокупности. Для умысла характерно психическое отношение к действию и последствиям, для неосторожности – только к последствиям

Понимание вины в российском уголовном праве не означает понятия оценки вины, поскольку до сих пор не существует метода изучения когнитивного процесса человека и шкалы оценки его вины. Конечно, существует определенная взаимосвязь между психологическими эмоциями

человека и негативными последствиями его поведения, но эта взаимосвязь очень сложная и нелинейная. Так же подводя итог, отметим, что для определения вины необходимо установить не только субъективные, но и объективные признаки состава преступления.

Независимо от конкретных обстоятельств, связанных с понятием вины, большое количество всеобъемлющих источников современного уголовного права разъясняют определение вины и ответственности за вину. В настоящее время характер и уровень ассоциации несколько иные. Поэтому в общей части УК РФ говорится о большом количестве видов преступлений, вызванных пересечением границ умысла, а в нормах о серьезной ответственности страны публичного права выделяют явный умысел, а также промежуточная форма вины, которая не рассматривается как умысел, но предполагает понимание и последующее отрицание природы и иррациональности принятых рисков, а также установление строгих правил ответственности, даже если они подвергаются критике, возможно осудить человека, не доказав вину.

Глава 2 Формы вины

2.1 Умысел и его виды

Подавляющее большинство преступлений, предусмотренных особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, являются умышленными. Умышленные преступления являются более опасными преступлениями, чем преступления, совершенные по неосторожности, что может быть подтверждено, в частности, тем, что законодатели относят к преступлениям, совершенным умышленно (ч. 4 и ч. 5 ст. 15 УК РФ) [30].

Умышленная форма вины подразделяется на прямой и косвенный умысел. Однако в доктрине уголовного права не все ученые разделяют такое мнение.

В частности, М.А. Чельцов пишет, что «определение косвенного умысла не нужно. Он предлагает заменить его специфической формой вины – «заведомость», которая включала бы в себя косвенный умысел и один из видов неосторожной вины – самонадеянность» [34, с. 8].

В современном уголовном праве, по нашему мнению, понятия умысла и понятия вины фактически не сформулировано. Согласно ст. 25 УК РФ, можем сказать, что различаются и раскрываются только виды намерений:

- преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом;
- преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.
- преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно

опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично.

Понятие умысла, также как вины, раскрывается через содержание ее видов. Н.В. Вирясова определяла умысел как «такое направление воли виновного, при котором он не только предвидит те последствия, которые могут возникнуть из его действий, но желал их наступления, и действовал ради этого желания» [5, с. 292].

Современные авторы в большинстве используют формулировку законодателя. Т.М. Тагиров определяет умысел следующим образом: «Преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, предвидело преступные изменения в общественных отношениях, вызванные деянием, желало их либо сознательно допускало» [28, с. 121].

При анализе предложенной автором дефиниции можно выделить то, что он не указал на интеллектуальной компонент умысла – осознание общественной опасности. Е.Н. Ярмонова дала отличное от других подходов определение умысла: «Умысел – это форма вины, характеризующаяся преступными целями, способами и результатами деяния. В данной точке зрения разграничение умысла от неосторожности будет зависеть от оценки правоприменителя» [38, с. 217].

И.В. Паньков предлагает следующую дефиницию умысла: «Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния, а также его фактические обстоятельства, предусмотренные настоящим Кодексом в качестве признаков состава преступления, предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия) и желало их наступления» [18, с. 15].

В предложенной дефиниции указание на осознание фактических обстоятельств, предусмотренные УК РФ, как признаки состава преступления

является чрезмерным. По факту данное утверждение означает требование об осознании противоправности общественно опасного деяния.

А.Д. Чанышев пишет: «Преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), то есть, приступая к их выполнению, не исключало, что результатом их совершения станет преступление» [34, с. 18].

Нельзя согласиться с таким суждением, так как А.Д. Чанышев, сформулировал приведенное выше определение, отвергнув разделение умысла на прямой и косвенный. Это определение также противоречит принципу дифференциации уголовной ответственности. В зависимости от рассматриваемого метода намерение может быть определено следующим образом: «Умысел представляет собой осознание лицом характера и степени общественной опасности и уголовной противоправности своих действий (бездействий), определяющее положительно-волевое отношение к последствиям» [34, с. 19].

В этом определении позитивная волевая установка предполагает, что у человека есть прямое намерение активно противодействовать возникновению опасных последствий в обществе.

Согласно ч. 2 ст. 25 УК РФ прямой умысел выражается в трех признаках:

- «в осознании лицом общественной опасности своих действий (бездействий);
- предвидением возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий;
- желанием их наступления» [31].

Косвенный же умысел выражается в следующем:

- «осознании лицом общественной опасности своих действий (бездействия);
- предвидением возможности наступления общественно опасных последствий;

- нежеланием, но сознательным допущением этих последствий либо безразличным отношением» [31].

«Для прямого умысла характерны ожидаемые общественно опасные последствия, которые совпадают с конечной целью поведения (убийство из ревности) или промежуточной целью в процессе достижения конечной цели (причинение вреда здоровью во время ограбления, способствуя тем самым последующему завладению его имуществом) или когда цель конечная цель достигается поэтапно для достижения конечной цели (систематически вывозить части готовой конструкции с территории завода–телевизора и т.д.)» [19, с. 12].

Так, прямой умысел можно проиллюстрировать на следующем примере. Приговором суда был осужден А., за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ: «А., находясь в состоянии алкогольного опьянения, из-за личных неприязненных отношений с потерпевшим Д, вооружившись огнестрельным нарезным оружием, собранным самодельным способом, осознавая общественноопасный характер своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно-опасного последствия в виде смерти С. и желая этого, прицелившись в С. умышленно произвел из вышеуказанного оружия один выстрел в область грудной клетки. Исходя из изложенных в приговоре обстоятельств, судья правильно признал установленным, что А. совершил убийство Д. с прямым умыслом, то есть производя выстрел с близкого расстояния в область грудной клетки, А. предвидел неизбежность наступления смерти Д. и желал этого» [5, с. 292].

Волевые моменты с косвенным умыслом существенно отличаются от прямого умысла, проявляющегося в виде нежелания, но сознательных предположений или безразличия к началу опасных социальных последствий. Когда человек не хочет, чтобы это произошло, он сознательно примет на себя последствия преступления, полагаясь только на «авось», какой-то несчастный случай, поэтому последствия преступления, которые он предвидел, могут и не наступить. Надеяться на «авось» – значит ни на что не надеяться. Поэтому

следует признать, что в этих случаях лицо сознательно допускает наступление преступных последствий.

Так, Р. находясь в квартире у своего знакомого Т., распивали с ним спиртные напитки, между ними произошла словесная перепалка, когда Т. крепко держи ее за руку, в связи с этим, Р. взял со стола кухонный нож и нанес ему удар в переднюю часть груди, причинив ему телесное повреждение. В результате Т. скончался от полученных травм. Защита упомянула, что она не осознавала, что во время удара у нее в руке был нож, и что у нее не было намерения причинять смерть потерпевшему. Следовательно, она действовала неосторожно, но суд опроверг эти ссылки как необоснованные. Суд вынес решение в отношении Р. в соответствии с ч. 1 ст. 105 УК РФ. Р., действуя сознательно, осознавая общественную опасность своего поведения во, предвидя последствия общественной опасности. Таким образом, Р. понимал, что, нанеся удар ножом в важный орган (грудную клетку), она непосредственно посягнула на его жизнь, предвидела, что эти действия могут привести к смерти, и намеренно допустила возникновение таких последствий [21].

«Волевое содержание косвенного умысла также может проявляться в виде безразличия к общественно опасным последствиям поведения (бездействия). В этимологическом смысле «индифферентный» определяется как безразличный, безучастный или неважный и незаинтересованный.

Безразличное отношение к пагубным последствиям означает отсутствие положительного эмоционального опыта, связанного с опасными последствиями для общества, и реальная возможность отражается в сознании преступника. В этом случае субъект причиняет вред общественным отношениям, что называется, «не задумываясь» о последствиях совершаемого деяния, хотя возможность их причинения представляется ему весьма реальной» [7, с. 485].

«Примером может служить следующая ситуация: некий О., чтобы отомстить своему обидчику, решил уничтожить его автомобиль, который

стоял на стоянке у офиса. В результате взрыва автомобиль был уничтожен, но позже в результате взрыва погиб мужчина, проходивший мимо возле офиса. Учитывая время и место взрыва автомобиля, О. понимал, что взрыв может повлечь за собой смерть прохожих. Осознание незаконности социально опасного поведения и осознание общественной опасности являются характеристиками содержания намерения. Предсказуемость основана на возможности или неизбежности для субъекта наступления общественно опасных последствий. Однако возможность предвидеть последствия с прямым умыслом отличается от возможности предвидеть последствия с косвенным умыслом. Волевой компонент намерения варьируется в зависимости от типа намерения» [24, с. 86].

Приведем еще один нетипичный пример, когда обстоятельства совершенного убийства позволили суду при простом убийстве прийти к выводу о косвенности умысла.

Так, Автозаводским районным судом Малышко К.П. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Анализируя исследованные доказательства, суд посчитал доказанными совершение Малышко К.П. умышленного убийства. Однако всесторонняя оценка обстоятельств совершенного преступления позволила суду прийти к выводу о косвенности его умысла, несмотря на «типичность» механизма убийства: с помощью орудия преступления (ножа) нанес удар в жизненноважный орган человека.

Из заключения экспертов следует, что смерть потерпевшей последовала от телесных повреждений, причиненных ножом, изъятом на месте происшествия.

Из информационных сводок следует, что Малышко К.П. и ранее наносил матери телесные повреждения в ходе ссор, угрожал ей убийством. Из показаний свидетелей также следует, что Малышко К.П. и потерпевшая совместно распивали спиртные напитки и в таком состоянии между ними происходили ссоры и наносились друг другу телесные повреждения.

После нанесения ударов ножом, подсудимый, осознавая содеянное, обратился к соседке и вахтеру с просьбой вызвать скорую помощь для оказания врачебной помощи потерпевшей.

Совокупность исследованных доказательств дает основания считать признательные показания подсудимого и его явку с повинной соответствующими фактическим обстоятельствам совершенного преступления.

Суд не нашел оснований для признания в действиях Малышко К.П. неосторожного характера вины в отношении такого последствия как смерть.

Обстоятельства совершения преступления, а именно нанесение Малышко К.П. не менее 3-х целенаправленных ударов ножом в жизненно-важный орган человека, указывает на то, что подсудимый не мог не предвидеть возможности причинения смерти потерпевшей.

Тот факт, что Малышко К.П. не желал наступления указанных последствий, свидетельствует о том, что по волевому компоненту его умысел является косвенным, при котором виновный предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия, либо относится к ним безразлично.

Суд исключил из обвинения нахождение подсудимого в состоянии алкогольного опьянения и не рассматривал его в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, так как данный факт не был установлен освидетельствованием Малышко К.П. [20].

Характеристика содержания умысла происходит путем раскрытия интеллектуальных и волевых компонентов определенных видов умысла. Для этих двух типов намерений сходной чертой является интеллектуальный признак осознания общественной опасности. Осознание незаконности социально опасного поведения и осознание общественной опасности являются характеристиками содержания намерения. Вторым интеллектуальным признаком намерения является предвидение. Предсказуемость основана на возможности или неизбежности для субъекта

наступления общественно опасных последствий. Однако возможность предвидеть последствия с прямым умыслом отличается от возможности предвидеть последствия с косвенным умыслом. Волевой компонент намерения варьируется в зависимости от типа намерения [16, с. 177].

Прямой умысел характеризуется желанием иметь негативные последствия, а косвенное намерение – сознательными предположениями или безразличным отношением.

2.2 Неосторожность и ее виды

Как известно, преступность как сложное и многогранное явление включает в себя ряд преступлений, совершенных умышленно или по неосторожности. Рассматривая общую структуру преступлений, следует отметить, что по сравнению с косвенным умыслом и наказуемым причинением вреда здоровью значительное число преступлений в настоящее время совершается по неосторожности. Нет никаких сомнений в том, что субъективный аспект каждого преступления является основным элементом состава преступления, поскольку с его помощью он отражает внутреннее содержание преступления. Оно выражает психологическое внутреннее отношение человека к совершаемому поведению [16, с. 220].

К компонентам, характеризующим субъективный состав преступления, относятся вина, мотивация, цель и т.д. Однако вина является одним из важнейших признаков преступления, указывающим на преступное поведение совершенного действия или бездействия. В этой связи можно сказать, что квалификация преступления по неосторожности в значительной степени зависит от правильного установления формы вины и ее признаков – интеллекта и воли. В статье 26 УК РФ закреплён принцип обеспечения уголовной ответственности за неосторожные формы преступлений в уголовном законодательстве [31].

В то же время существуют определенные преступления, которые представляют собой сходные преступления в виде одних и тех же признаков в объективном аспекте преступления. В то же время различия в формах преступлений приводят к различным уголовным наказаниям и тяжести совершенных преступных деяний. Тяжесть этих преступлений отличается от степени общественной опасности, и они наносят значительный вред отдельным лицам, обществу и стране. Поэтому очень важно рассмотреть понятие неосторожных преступных форм в уголовном праве. Вопрос о понятии и значении вины очень активно обсуждался учеными и законодателями [25, с. 13].

В то же время Конституция Российской Федерации предусматривает, что «уголовная ответственность наступает только в том случае, если лицо, совершившее преступное деяние, будет признано виновным, а также предусматривает презумпцию невиновности до рассмотрения судом преступления» [11].

Вина понимается как сознательное понимание лицом недопустимости или запрета собственных действий или бездействия законодателя и связанных с ними последствий. Это важное условие и аспект юридической ответственности. Доктрина уголовного права считает, что вина – это психологическое отношение человека к умышленному преступлению или преступлению по неосторожности, совершенному им самим.

«Действующее уголовное законодательство различает две основные формы вины – умысел (ст. 25 УК РФ) и неосторожность (ст. 26 УК РФ). Определение института неосторожной формы вины формировалось на протяжении всего развития Российского государства и права.

Начало этому институту было положено в эпоху Ярослава Мудрого. Однако позже, в царствование Алексея Михайловича, было сформулировано Соборное уложение 1649 года, в котором уже были разграничены преступления, совершенные по неосторожности или умышленно. Типичным

примером является статья 3, глава 21, в которой смертная казнь назначается за умышленные преступные деяния» [31].

Неосторожные преступные деяния наказываются по-разному: для крестьян – наказание плетьюми, а для детей боярских – тюремное заключение. Военная статья 1715 имеет более четкую структуру для разделения преднамеренных, неосторожных и случайных действий. При определении вины они проводили различие между волевым и преднамеренным поведением, своеволием и преднамеренным поведением, а не между преднамеренным и произвольным поведением. По мнению исследователей, события без чувства вины считаются непреднамеренными и ненамеренное поведение. Если следственные органы не установят, что поведение преступника является преднамеренным, степень наказания будет снижена. Исследователи отметили, что чувство вины является условием для возложения ответственности [37, с. 70].

Можно отметить, что законодательство Петра Великого уделяло внимание развитию системы вины. Уголовный кодекс и Кодекс об исправительных учреждениях 1845 года проводит различие между преднамеренными и непреднамеренно совершенными преступными деяниями. Например, в статье 6 проводится различие между двумя уровнями преступления: мелким правонарушением и умышленным преступлением. Умышленное преступление предполагает наличие заранее обдуманного намерения. Эти преступления были совершены под влиянием внезапного порыва, без преднамеренности. Но законодатель делит умысел на прямой и косвенный при совершении убийства [30, с. 129].

В общей части законодатели по-прежнему делят преступления на умышленные и неосторожные. Если человек хочет совершить преднамеренный поступок, он признает этот преднамеренный поступок, но даже в этом случае он сознательно допускает возникновение последствий. Неосторожные преступления – это предвидение субъекта, последствия

которого наступают, но в то же время субъект предполагает, не задумываясь, что эти последствия следует предотвратить.

В то же время уголовное законодательство предусматривает две формы вины – умышленную и по неосторожности. В частности, статья 11 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года предусматривает различные формы преступлений. Следовательно, люди, которые действуют намеренно или случайно, будут подвергнуты уголовному наказанию. И, наоборот, в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года признаки общественной опасности последствий преступных деяний были включены в состав признаков умышленных преступлений. Согласно закону, некоторые люди говорят, что люди, совершающие общественно опасное поведение, будут наказаны судебными и дисциплинарными мерами только в том случае, если они действуют сознательно. В данном случае они, несомненно, предвидели социальную опасность последствий своих действий, надеясь, что эти последствия наступят, или сознательно допуская их. В конце 1950-х годов, когда разрабатывался новый Уголовный кодекс РСФСР 1960 года, принцип уголовной вины считался одним из основных принципов уголовной ответственности. Однако уголовное законодательство по-прежнему не содержит положений о преступлениях с двумя формами состава преступления.

«Заключительным этапом развития института вины в советский период является принятие Основ уголовного законодательства СССР и республик 1991 г. Основы четко закрепили принцип виновной ответственности, предусмотрев разделение на прямой и косвенный умысел» [24, с. 54-55].

Так, деяние, совершённое только по неосторожности, признаётся преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части, т. е. когда в статье прямо указывается на неосторожную вину. Например, «ст. 109 УК РФ устанавливает ответственность за причинение смерти по неосторожности. А также дополнительными примерами могут являться ст. 207-2, часть 1 ст. 215-1,

ст. 261, часть 1 ст. 264 УК РФ и т. д. Прежде всего, необходимо всегда помнить, что неосторожная форма вины – это одна из опаснейших видов невнимательности и неосмотрительности, которые могут повлечь негативные правовые последствия, как, например, убийство человека» [31].

Во-вторых, в условиях развития технологий и совершенствования человека как личности, к сожалению, число преступных деяний, совершённых по неосторожности, во многих сферах жизнедеятельности человека возросло.

По мнению некоторых ученых, «преступления, совершенные по неосторожности, можно разделить на неоказание помощи пациентам, нарушение ветеринарных правил и т.д. И наоборот, неосторожные преступные деяния, совершенные в бытовой сфере, могут включать неосторожное нанесение тяжких или менее тяжких телесных повреждений, неосторожное уничтожение или повреждение личной собственности государства, общественности или граждан, повлекшее тяжкие последствия, халатность» [26, с. 13].

По мнению ученых-правоведов, «причинно-следственная связь является основой для классификации преступлений в зависимости от способа совершения преступления, сферы деятельности и т.д. Как правило, ненаступление последствий является основанием для исключения ответственности за случайное причинение риска ущерба. Как вы знаете, преступные деяния, совершенные по неосторожности, считаются менее общественно опасными, чем умышленные преступления. Этому взгляду есть надежное объяснение» [8, с. 22].

Нет никаких сомнений в том, что, например, умышленное убийство представляет более высокую степень общественной опасности, чем конкретное деяние, совершенное по неосторожности. В то же время научные исследования показали, что безрассудное преступное поведение представляет серьезную опасность для общества.

В то время, когда стремительно развиваются новые технологии, эта опасность значительно возросла. Эти процессы определяют особенно

негативную динамику преступлений, совершенных по неосторожности. Число этих преступлений также растет из-за экологических преступлений, нарушений правил обеспечения безопасных условий труда и нарушений правил дорожного движения.

В современном мире человек может и должен действовать в соответствии с действующим законодательством, что, в свою очередь, определяет правовое порицание лиц, которые неосторожно причиняют вред правоохраняемым интересам [4, с. 39].

В уголовном законе предусмотрены различные виды неосторожной формы вины:

- а) по законодательной структуре преступления делятся на:
  - 1) простые преступления. Вид преступного поведения такого рода можно отнести к преступлениям, предусмотренным частью 1 статьи 109 Уголовного кодекса Российской Федерации. В данном случае все признаки состава одномерны: признаки объекта (жизнь другого человека); объективный аспект характеризуется произвольными или непрофессиональными действиями или бездействием, общественно опасным последствием.
  - 2) сложные преступления. Примером могут служить преступления, предусмотренные статьей 111, часть 4, статьей 123, часть 3, статьей 124, часть 2 и т.д.
  - 3) альтернативные (сложные) преступления, в ходе которых причиняют по неосторожности смерть другому человеку (ст.ст. 218, 351, 352 УК РФ). Эти преступные деяния представляют собой сложный вид преступления.
- б) в зависимости от признаков объективной стороны преступления:
  - 1) «при физическом воздействии на потерпевшего (ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 123, ч. 3 ст. 206 УК РФ);

- 2) невыполнение или ненадлежащее выполнение профессиональных или служебных обязанностей (ч. 2 ст. 143, ст. 216, ч. 2, 3 ст. 293 УК РФ);
  - 3) причинение по неосторожности смерти человеку, как результат неправильного использования техники (ч. 3-6 ст. 264, ч. 2, 3 ст. 266, ч. 2, 3 ст. 350 УК РФ)» [31].
- в) в зависимости от характера и степени общественной опасности:
- 1) «неосторожные случаи лишения жизни, относящиеся к категории преступлений небольшой тяжести, при которых смерть наступает вследствие несоблюдения элементарных мер предосторожности в быту (ч. 1 ст. 109 УК РФ);
  - 2) неосторожные случаи лишения жизни, относящиеся к категории преступлений средней тяжести, при которых смерть наступает вследствие невыполнения или ненадлежащего выполнения профессиональных или служебных обязанностей (ч. 2, 3 ст. 109, ч. 3 ст. 123, ч. 2 ст. 124, ч. 2 ст. 143 УК РФ);
  - 3) неосторожные случаи лишения жизни, относящиеся к категории тяжких преступлений, при которых смерть наступает вследствие неправильного использования техники (ч. 3 ст. 127, ч. 2 ст. 128 УК РФ);
  - 4) неосторожные случаи лишения жизни, которые относятся к категории особо тяжких преступлений, в результате которых смерть человека наступает вследствие непосредственного физического воздействия (ч. 4 ст. 111, п. «в» ч. 3 ст. 126, п. «а» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ)» [31].

Так, за деяние, совершённое по неосторожности, виновный привлекается к уголовной ответственности только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части (ст. 24 УК РФ).

В ст. 26 УК РФ общая характеристика неосторожности отсутствует, а регулируются её виды. Преступление признаётся совершённым по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий.

Приведем пример причинения вреда по легкомыслию. Шершнев Е.Н., ранее судимый Богдановичским городским судом Свердловской области по п. «в» ч. 2 ст. 158, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к наказанию в виде 2 лет 6 месяцев лишения свободы; освобожденного условно-досрочно на 1 год 6 месяцев 3 дня; находясь в состоянии алкогольного опьянения, испытывая личную неприязнь к ФИО5, посягая на её здоровье и жизнь, действуя неосторожно, по легкомыслию, нанес не менее одного удара ФИО5 рукой в лицевую часть головы, от чего ФИО5 упала, ударившись при падении теменно-затылочной частью головы о стену. В результате чего ФИО5 скончалась на месте преступления. Гражданин Шершнев Е.Н. на суде признал свою вину.

В качестве смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 и ч. 2 ст. 61 УК РФ суд учитывает Шершневу Е.Н.: написанную им явку с повинной, признание своей вины, раскаяние в содеянном, состояние его здоровья. В то же времяотягчающими обстоятельствами, предусмотренными частью 1.1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации, являются, Шершнев совершил преступление в состоянии алкогольного опьянения, вызванного употреблением спиртных напитков, поскольку, по мнению суда, данная ситуация вызвала и способствовала совершению преступления, и подсудимый также подтвердил это. Суд принял во внимание Шершнев был ранее судим и привлекался к административной ответственности, имеет отрицательные характеристики по месту жительства, имеет инвалидность, травмы ног и ряд серьезных заболеваний. Вопреки заявлению государственного обвинителя, суд не усмотрел в действиях подсудимого рецидива, поскольку в соответствии со статьей 26 Уголовного кодекса

Российской Федерации. Преступления, совершенные Шершневым, относятся к категории халатности. В то же время, когда суд задал вопрос, Шершневу. Было подтверждено, что основной причиной преступности является наличие алкоголизма. В соответствии с частью 1 статьи 109 Уголовного кодекса Российской Федерации действия подсудимого Шершнева были признаны судом повлекшими по неосторожности смерть человека [22].

Богдановичский городской суд Свердловской области приговорил: Е.Н. Шершнева признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ и назначить ему наказание в виде одного года лишения свободы с отбыванием его в колонии-поселении. Если лицо не предвидит, что его поведение (бездействие) может повлечь общественно опасные последствия, преступление считается совершенным по неосторожности, хотя оно должно было и могло предвидеть эти последствия.

Примером привлечения к ответственности по небрежности будет являться следующее дело. Органами предварительного следствия Субботина С.С. обвинялась в том, что, работая водителем трамвая (маневровых работ) МУП, будучи ознакомленной с действующими на предприятии Инструкциями «По охране труда для водителей трамвая (маневровых работ)» и «О порядке производства маневровых работ», должностной инструкцией водителя трамвая (маневровых работ), В период с 8 часов до 13 часов 46 минут ДД.ММ.ГГ, совместно с ФИО2, транспортные средства, перевозившие трамвай – два вагона с 11-го вагона в депо на техническое обслуживание, проявили недобросовестное отношение, свои профессиональные обязанности и преступную халатность, не предусмотрели возможность общественно опасных последствий от их действия, я не верю в безопасность маневровой операции, я сообщил последнему по радио о безопасности вагона в начале движения обратной сцепки, поэтому во время движения предприятия ФИО7 были допущены 11-го числа по соображениям жизни и смерти на месте, одним из случаев на предприятии является причинение телесных повреждений сотрудникам, занятым на хозяйственных

работах по покосу, с причинением тяжкого вреда здоровью. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 109 УК РФ органом предварительного следствия Субботина. Такое поведение характеризуется как смерть по неосторожности из-за ненадлежащего исполнения отдельными лицами своих профессиональных обязанностей. Согласно ч. 3 ст. 26 УК РФ, если лицо не предвидит, что его поведение (бездействие) может повлечь общественно опасные последствия, признается, что преступление было совершено по неосторожности, хотя оно должно было и могло предвидеть эти последствия. Субботина утверждает, что перед началом обратного движения спаренных вагонов она стояла на задней платформе первого движущегося вагона, выполняла все свои обязанности, обеспечивала безопасность маневра и посылала соответствующий сигнал ФИО2. Когда она была в машине, она не видела ФИО7 на трамвайных путях. Только после того, как ФИО2 остановил трамвай и сказал ей, она увидела его лежащим на трамвайных путях. Как ФИО7 выбрался из машины, она не знала, предполагая, что он подошел к трамвайным путям в зоне сцепки вагонов, но она не могла видеть его в этом месте. Апелляционный суд постановил, что после тщательного рассмотрения представленных доказательств суд пришел к разумному выводу о том, что показания Субботиной о надлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей обвинением опровергнуты не были, равно как и не доказано, что она нарушила требования «Инструкции по выполнению процедур мобильной работы».

Суд апелляционной инстанции Алтайского краевого суда г. Барнаула постановил: приговор Бийского городского суда Алтайского края от 21 июля 2020 года в отношении С.С. Субботиной оставить без изменения, апелляционные представление и жалобу – без удовлетворения.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод, что, рассматривая общую структуру преступлений, следует отметить, что по сравнению с косвенным умыслом и наказуемым причинением вреда здоровью значительное число преступлений в настоящее время совершается по

неосторожности. Нет никаких сомнений в том, что субъективный аспект каждого преступления является основным элементом состава преступления, поскольку с его помощью он отражает внутреннее содержание преступления. Оно выражает психологическое внутреннее отношение человека к совершаемому поведению [27, с. 15].

Доктрина уголовного права считает, что вина – это психологическое отношение человека к умышленному преступлению или преступлению по неосторожности, совершенному им самим.

В общей части законодатели по-прежнему делят преступления на умышленные и неосторожные. Если человек хочет совершить преднамеренный поступок, он признает этот преднамеренный поступок, но даже в этом случае он сознательно допускает возникновение последствий. Неосторожные преступления – это предвидение субъекта, последствия которого наступают, но в то же время субъект предполагает, не задумываясь, что эти последствия следует предотвратить.

2.3 Преступления с двумя формами вины

Преступления с двумя формами вины – это преступление в Уголовном кодексе (ст.27), подразумевающее совершение умышленного преступления, в результате которого были причинены тяжкие последствия, ведущие к более строгому наказанию согласно закону, которые первоначально не охватывались умыслом виновного лица.

Следуя этой логике, можно сделать вывод, что виновное лицо всегда должно в полной мере выполнять объективные аспекты противоправного деяния и осознавать последствия, описанные в нормах уголовного права.

Следуя ст. 27 УК РФ, «при совершении умышленного преступления повлекшие за собой причинение тяжких последствий, которое по УК РФ предусматривают более серьезное наказание и которые не предусматривались преступным умыслом лица, уголовной ответственности подлежит в случае,

если лицо осознавало возможность наступления тяжких последствий, но отнеслось к этому халатно» [9, с. 74].

Следовательно невозможно, чтобы какое-либо преступление с двумя формами вины подвергалось наказанию. Только тогда, когда наступают тяжкие последствия, преступник должен нести уголовную ответственность, за не преднамеренное причинения тяжких последствий.

Такое решение вопроса И.Я. Козаченко объяснял тем, что «в рассматриваемых составах преступлений (где имеет место сочетание умысла и неосторожности при совершении преступления) лицо не желает наступления квалифицирующих последствий, а значит, не может и готовиться к таким преступлениям или покушаться на них» [10, с. 12].

Лицо не может предвидеть последствий, когда готовится или пытается совершить преступление. Следовательно, причиной последствий неосторожности является не неосторожное поведение, а осуществление умышленных преступлений.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в данном случае поведение следует оценивать самостоятельно, то есть как попытку совершить умышленное преступление и привести к уголовно наказуемым последствиям по неосторожности. В то же время речь здесь не идет о единой квалификации преступления, принимая во внимание характер сложных криминальных форм некоторых преступлений (законодатели учитывают целостность умышленных и неосторожных нарушений) [33, с. 9].

В то же время правоприменительная практика ставит под сомнение этот аргумент. Из материалов уголовных дел – Верховным Судом Республики Мордовия Ф. осужден по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ. Он был осужден за попытку изнасилования группой несовершеннолетних., повлекшее смерть потерпевшего по неосторожности. Следовательно, Ф и Р. выпивали в разных местах Саранска в течение дня. Вечером они пришли к дому на проспекте 60-летия Октября. Выйдя из подъезда дома, который посещала потерпевшая Ж., увидела группу девушек, убегающих от пьяных парней, среди которых был Ф.

В этот момент к ней подошел один из ее друзей. Более того, пообещав защитить ее от этих парней, он предложил прогуляться до балкона, расположенного между восьмым и девятым этажами. Там же оказались Ф., Р. стал требовать от Ж. совершения с ним полового акта, начал срывать с нее одежду и спустил с себя брюки, а Р. приказывал быстро раздеться, готовясь к изнасилованию после Ф. Потерпевшая, осознавая неотвратимость группового изнасилования и пытаясь спастись, влезла на окно декоративной решетки балкона, но упала на асфальт и разбилась насмерть. Вину Ф. в судебном заседании не признал.

Подаявая апелляцию в Верховный апелляционный суд, адвокат ходатайствовал об отмене судебного решения и прекращении производства по делу в связи с отсутствием Ф. состава преступления, поскольку, по словам адвоката, он хотел вступить в половой акт с потерпевшей с ее согласия и не применял никаких насильственных действий.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской оставили решение без изменений. Вина Ф. в попытке изнасилования потерпевшей была полностью подтверждена доказательствами, рассмотренными в судебном заседании и приведенными в решении: показаниями свидетелей, результатами осмотров на месте, заключениями экспертов, вещественными доказательствами» [37, с. 69].

На основании приведенных в приговоре доказательств суд пришел к объективному выводу о том, что Ф. совершил покушение на изнасилование группой лиц несовершеннолетней Ж., повлекшее ее смерть в результате падения с балкона.

Таким образом, суд квалифицировал по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ действия лица, совершившего покушение на изнасилование группой лиц несовершеннолетней, которые повлекли по неосторожности ее смерть.

Формально препятствий к исполнению приговора нет. В то же время, если предположить, что существуют две формы вины преступления,

преступление обычно является умышленным преступлением, то в данном случае вполне возможна подготовка и попытка совершения преступления.

Ф. был признан виновным и осужден за нападение и другие насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, предусмотренных ст. 115 УК РФ. Вину в совершении преступления Ф. признал, приговор не обжаловал. После вынесения приговора потерпевший З. подал апелляцию, он не согласился с приговором Ф. после пересмотра дела было переквалифицировано со ст. 30, ч. 1 ст. 131, ч. 3 «а» УК РФ на статью 116 УК РФ. Потерпевший в жалобе указал, что выводы суда, предусмотренные в судебное решение, было несовместимо с фактической ситуацией по делу. Суд необоснованно отклонил утверждение З. без доказательства попытки изнасилования.

Изучив материалы жалобы, Верховный Суд Российской Федерации счел, что судебное решение является законным и обоснованным. Ф. признался в совершении преступления, указав, что он действительно ударил Ж. в ходе ссоры. Ф. был обвинен виновным в попытке изнасилования Ф., что привело к смерти потерпевшего по неосторожности. Рассмотрев это утверждение, суд пришел к выводу, что оно не было подтверждено доказательствами, собранными по делу, и было подтверждено на судебном заседании.

Этот пример также показывает, что, когда сотрудники правоохранительных органов констатируют преступление с двумя формами вины (сочетание умысла, связанного с поведением, и халатности, связанной с последствиями), они полагают, что поведение преступника можно охарактеризовать как «совершение преступления в случае, которого наступают общественно опасные последствия, но само преступное деяние не совершено. Особенность ситуации в этих примерах заключается в том, что последствия преступных действий не являются основной целью преступления, но связаны с собственным поведением субъекта, которое привело к таким последствиям» [9, с. 75].

В данном случае вопрос о разделении сложного состава на части не ставится, и в случае попыток совершения преступлений со сложными криминальными формами нет необходимости определять каждое посягательство отдельно. В рассматриваемом нами примере деяние должно быть квалифицировано как попытка изнасилования и отдельно как причинение смерти по неосторожности. Такая ситуация делает необходимым изменение правил квалификации преступлений со сложными криминальными формами или, по крайней мере, требуются разумные основания для того, чтобы оговорить, что, когда последствия общественной опасности вызваны халатностью, преступное покушение может быть связано с преднамеренным поведением. Однако ключевым моментом здесь является то, что то, что совершает человек, – это не просто преднамеренное поведение, а такое преднамеренное поведение. Это самостоятельное преступление, независимо от неосторожных последствий этого поведения – преступления. Мы рассматриваем вопрос о том, будут ли какие-либо изменения в примере, например, если состав изнасилования будет сформулирован законодателем как существенный. Приведет ли это к другой квалификации? [35, с. 8].

Похоже, что, с точки зрения сотрудников правоохранительных органов, нет. Если последствия преступления не наступили в рамках основных криминальных фактов, но само деяние стало причиной более опасных последствий по неосторожности, сотрудники правоохранительных органов считают, что такого рода случай является покушением на преступление с тяжкими последствиями (например, смертью человека). из-за халатности. Для дальнейших рассуждений мы можем привести другой пример. Преступник хотел поджечь дом жертвы и поджег дом вместе с хозяином. Пострадавший, находившийся в данный момент дома, решил потушить пожар. Пожар был потушен потерпевшим. Возгорания не произошло и не причинило существенного ущерба имуществу. Однако из-за тушения пожара потерпевший надыхался углекислым газом и позже скончался. В таком случае, можно обвинить одного человека в попытке уничтожить чужое

имущество, которая привела к халатности и смерти. В данном случае, столкнувшись с материальной стороной преступления, говорится о том, что следует квалифицировать и повлекшую смерть по неосторожности.

Правоприменительная практика не считает, что поведение преступника является попыткой причинить серьезный физический вред и привести к смерти по неосторожности, но только потому, что в этих случаях применяются правила о смерти по неосторожности или другие криминальные элементы, связанные с причинением физического вреда по неосторожности [37, с. 19].

Приведем в этом контексте пример из практики Республики Беларусь. По приговору суда Лидского района от 09.10.2015 У. осужден по ч. 1 ст. 147 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) с назначением наказания в виде лишения свободы. 21 января 2016 года постановлением Судебной комиссии по уголовным делам Гродненского районного суда приговор был изменен. Поведение У. было переквалифицировано из ч. 1 ст. 147 Уголовного кодекса Республики Беларусь в ст. 155 Уголовного кодекса Республики Беларусь, в соответствии с которой за это было назначено наказание в виде ограничения свободы. Постановление суда неоднократно опротестовывалось прокуратурой. Согласно постановлению Судебного комитета по уголовным делам Верховного суда Республики Беларусь от 23 сентября 2016 года, протест удовлетворен не был. В обоснование этого решения приводится следующее определение. Тот факт, что осужденный причинил тяжкие телесные повреждения потерпевшему Ш. Доказано в протесте, и спору нет [9, с. 73].

«Как видно из материалов дела, У. в ходе конфликта ударил потерпевшую рукой по спине. Она повернулась вокруг своей оси и упала на землю. В результате ей были причинены серьезные телесные повреждения, опасные для жизни, в виде закрытого оскольчатого внутрисуставного перелома нижней трети правой большеберцовой кости и ушиба закрытый перелом верхней трети правой малоберцовой кости» [23].

Согласно выводам национального судебно-медицинского эксперта, он подтвердил на судебном заседании, что косо́й спиральный характер перелома и его расположение на разных уровнях кости показали, что в соответствии с ситуацией, которую она доказала в ходе следственного эксперимента, перелом не мог образоваться из-за двух ударов в верхнюю треть черепа. переднебоковая поверхность правой большеберцовой кости и один удар по внутренней поверхности правой стопы жертвы.

Этот вид перелома может образоваться из-за деформации кручения (вращения), которая может возникнуть, когда пострадавший падает на плоскость при опоре на правую ногу и неподвижной стопе из-за вращательного движения вокруг своей оси. Суд также указал, что умышленное причинение физического вреда должно подлежать независимому судебному разбирательству [39, с. 77].

Осужденный последовательно отрицал наличие умысла на причинение тяжких телесных повреждений Ш. Показания потерпевшей в судебном заседании о том, что У. нанес ногой не менее двух ударов по правой ноге Ш. до ее падения, противоречивы, опровергаются как приведенными выводами эксперта о невозможности наступления переломов от таких ударов, так и показаниями свидетеля К. о том, что Ш., развернувшись от удара в спину, сразу же упала. В данном случае решение Верховного апелляционного суда является правильным, У. ударил потерпевшую в спину и повернул ее вокруг своей оси, не предвидел возможности причинения ей серьезной физической травмы в виде перелома правой большеберцовой кости, хотя он должен был и мог предвидеть опасное развитие инцидента. Поведение осужденного было правильно переквалифицировано с ч. 1 ст. 147 Уголовного кодекса Республики Беларусь на ст. 155 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Не указывает на наличие намерения У., потому что Ш. Серьезные телесные повреждения и тот факт, что преступник продолжал избивать потерпевшего после того, как тот упал и сообщил о переломе ноги.

Поскольку заключение эксперта показало, что какие-либо телесные повреждения были причинены ударами руками и ногами по голове и телу потерпевшего, суд первой инстанции не нашел доказанным данное обстоятельство. Следовательно, суд первой инстанции постановил исключить из обвинения насильственное поведение осужденного вместо удара рукой по голове, потому что это не имеет прямой причинно-следственной связи с произошедшими последствиями, что вполне разумно.

Рассмотрим еще один пример, на углу оживленной улицы завязалась драка. Руководствуясь хулиганскими побуждениями, Иванов достал нож и хотел ударить им Петрова, но Петров уклонился от удара и в тот же момент вышел на проезжую часть, где был сбит автомобилем и погиб. В данном случае из-за действий Иванова произошла смерть Петрова. То есть Смерть Петрова произошла по неосторожности, хоть травмы Ивановым нанесены не были. Суд может рассматривать это как попытку причинить серьезные телесные повреждения и смерть по неосторожности, либо сочетание преступлений. Если мы констатируем неопределенный умысел в поведении преступника, то при попытке совершить преступление с неопределенным (неуказанным) умыслом квалификация преступления также имеет разные варианты: либо оценивать поведение как попытку предвидеть наиболее серьезные последствия для преступника, и наоборот – как попытку покушение на наименее серьезные из возможных уголовных последствий. Однако косвенного умысла быть не может. Например, один из вариантов этого рассуждения может заключаться в том, что если у человека есть общее намерение, то такое поведение должно быть ограничено преднамеренным убийством [32, с. 76].

Если исходить из того, что «общий умысел характеризуется направленностью субъекта на совершение умышленного преступления, то в этом отношении общий умысел базируется на сознании факта – совершении противоправного деяния и желании достичь намеченного результата любым способом. Именно этим обстоятельством общий умысел отличается от

специального, который имеет место только наряду с общим умыслом. Исходя из сказанного, можно заключить, что общий умысел представляет собой направленность воли преступника на совершение противоправного деяния с целью достижения желаемых преступных последствий» [6, с. 90].

С этой точки зрения, общее намерение включает в себя осознание субъекта преступления незаконности и общественной опасности совершенного деяния, а также направленность воли на достижение преступных последствий, что является основой для преднамеренности деяния. Эта причина показывает, что поведение Иванова подпадает под состав умышленного убийства, поскольку оно создает угрозу (опасность) и причиняет вред, когда оно действительно происходит, что само по себе является уголовно наказуемым последствием [34, с. 12].

Конечно, если фактические обстоятельства, необходимые для этой цели в деле, включая направление намерения, не считаются установленными, невозможно дать правильное определение такому поведению. Например, если Иванов намеревается нанести Петрову смертельный удар, то необходимо обвинить его в покушении на убийство, если он просто хочет изуродовать свое лицо, то попытаться нанести серьезные физические увечья и т.д. Однако Иванов, возможно, просто хочет напугать Петрова, не намереваясь причинять вред. Если мы стоим на позиции, что в данном случае поведение должно быть ограничено фактическими последствиями, которые произошли, то это не позволяет нам обвинять Иванова в чем-либо в данном случае, поскольку последствия, предусмотренные намерением преступника, на самом деле не наступили.

Конечно, в этом случае сотрудникам правоохранительных органов легче говорить о конкретных намерениях и определять поведение в соответствии с направленностью намерений. Но по определению, в соответствии с изложенными обстоятельствами дела, неизвестно, чего хочет преступник. Он размахивал ножом и одновременно покушался на убийство, намереваясь нанести серьезные телесные повреждения, не столь серьезные – спорный

момент. В этом случае намерение лица не засекречивается (на неопределенный срок). В рассматриваемых делах также имеются уголовные последствия. Очевидно, что существует связь между взмахом ножа и смертью жертвы. Однако вопрос о намерении причинить смерть жертве не может быть однозначно решен. Если говорить о том, что человек безразличен к последствиям преступления, то при констатации косвенного умысла возникнут сомнения в правомерности покушений, которые могут быть косвенным умыслом. Как мы можем видеть здесь, что этот человек хочет причинить смерть, орудуя ножом? В конце концов, единого удара не бывает. Только тот факт, что этот человек владеет ножом. Следовательно, другое возможное решение этого инцидента заключается в том, что с точки зрения смерти, с точки зрения ухода жертвы с дороги, преступление Иванова имеет доказанную причинно-следственную связь (бездействие) и вредные последствия, которые должны определяться пониманием пострадавшим типичной степени опасных последствий.

В соответствии с основанием для ограничения поведения преступников, будут даны различные оценки рассматриваемой ситуации, и противоправные действия будут ограничены: убийство, попытка причинения тяжкого телесного повреждения, смерть по неосторожности, хулиганство и смерть по неосторожности, покушение на убийство [39, с. 95].

Следовательно, можно столкнуться с тем, что при раскрытии одного и того же инцидента будут разные варианты классификации и решения одной и той же правоохранительной задачи, поскольку сегодня нет единого правила классификации преступления, сотрудники правоохранительных органов вынуждены доказывать, что любое решение может быть правильным, единственная проблема – это его обоснование.

Проблема в том, что разные сотрудники правоохранительных органов могут выбирать разные решения, руководствуясь своим более близким подходом к духу науки о классификации преступлений. Конечно, очень важно проводить различие между виноватым поведением и последствиями. Однако

всегда ли при обсуждении нюансов уголовной классификации необходимо разделять ответственность? В конце концов, это может быть определено как преступное деяние в целом, или оно может быть охарактеризовано отдельно и связано с поведением и последствиями [7, с. 151].

Отказ отделять рассмотрение вины за деяние от вины за последствия может привести к трудностям, связанным с различием элементов преступления, и выяснить конкретные обстоятельства преступления будет невозможно. Если вина определяется только за одно деяние, то невозможно ответить на многие из вопросов, на которые даны ответы сегодня, но только в системе, устанавливающей вину за деяние и последствия преступления. Это положение позволяет нам ответить на вопрос о том, возможно ли покушение на совершение преступления в форме двойного (комплексного) преступления, при котором преступные последствия наступают по неосторожности. Поэтому, принимая во внимание тот факт, что не каждое умышленное деяние является преступлением (речь идет о так называемом преступлении со смешанной формой состава преступления), необходимо определить психологическое отношение человека к преступным последствиям.

Подводя итог, отметим, что в общей части законодатели по-прежнему делят преступления на умышленные и неосторожные. Если человек хочет совершить преднамеренный поступок, он признает этот преднамеренный поступок, но даже в этом случае он сознательно допускает возникновение последствий. Неосторожные преступления – это предвидение субъекта, последствия которого наступают, но в то же время субъект предполагает, не задумываясь, что эти последствия следует предотвратить.

Характеристика содержания умысла происходит путем раскрытия интеллектуальных и волевых компонентов определенных видов умысла. Для этих двух типов намерений сходной чертой является интеллектуальный признак осознания общественной опасности. Осознание незаконности социально опасного поведения и осознание общественной опасности являются характеристиками содержания намерения. Вторым

интеллектуальным признаком намерения является предвидение. Предсказуемость основана на возможности или неизбежности для субъекта наступления общественно опасных последствий. Однако возможность предвидеть последствия с прямым умыслом отличается от возможности предвидеть последствия с косвенным умыслом. Волевой компонент намерения варьируется в зависимости от типа намерения.

Прямой умысел характеризуется желанием иметь негативные последствия, а косвенное намерение – сознательными предположениями или безразличным отношением.

По сравнению с косвенным умыслом и наказуемым причинением вреда здоровью значительное число преступлений в настоящее время совершается по неосторожности. Нет никаких сомнений в том, что субъективный аспект каждого преступления является основным элементом состава преступления, поскольку с его помощью он отражает внутреннее содержание преступления. Оно выражает психологическое внутреннее отношение человека к совершаемому поведению.

На практике можно столкнуться с тем, что при раскрытии одного и того же инцидента будут разные варианты классификации и решения одной и той же правоохранительной задачи, поскольку сегодня нет единого правила классификации преступления, сотрудники правоохранительных органов вынуждены доказывать, что любое решение может быть правильным, единственная проблема – это его обоснование.

Проблема в том, что разные сотрудники правоохранительных органов могут выбирать разные решения, руководствуясь своим более близким подходом к духу науки о классификации преступлений. Важно проводить различие между виноватым поведением и последствиями. В конце концов, это может быть определено как преступное деяние в целом, или оно может быть охарактеризовано отдельно и связано с поведением и последствиями.

Глава 3 Актуальные проблемы концепции вины в уголовном праве России

В контексте уголовно-правовых исследований понятие вины может быть выражено как сочетание степени и объема психологического отношения человека к общественной опасности своего поведения и воли, а также характеристик последствий поведения. Поведение выражает негативное или неопределенное отношение человека к своему поведению. по отношению к общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. На самом деле, принимая во внимание сложную правоприменительную практику и различные условия совершения тех или иных преступлений, субъективные аспекты преступления сильно различаются, что, в свою очередь, связано с соответствующей квалификацией противоправного и общественно опасного поведения. С точки зрения этого многообразия правоохранительных органов исследователи правильно сделали акцент на понятии формы вины. Трудно дать юридическое определение этому понятию. Существует научная дискуссия по вопросу определения формы вины в уголовном законодательстве Российской Федерации [25, с. 87-88].

«Вина – это психологическое и оценочное понятие, как связь между объективными и субъективными признаками преступления. В то же время можно сказать, что чувство вины лучше, чем преступление. Из этого можно сделать вывод, что преступление как особая истина может существовать как объективный признак, но всего содержания преступления еще не существует.

Российский законодатель не конкретизировал понятие умысла, включая все содержание прямого и косвенного умысла. Поэтому была отмечена фраза «действия, совершенные с прямым или косвенным умыслом». Все эти понятия используются в юридическом конструировании. В частности, уголовное законодательство предусматривает следующие определения: «Если человек осознает общественную опасность своих действий (бездействия), ожидается

возможность или неизбежность социальных опасных последствий, и он хочет, чтобы они наступили» (УК РФ)» [36, с. 70].

Согласно ст. 5 Уголовного кодекса Российской Федерации, «лицо несет уголовную ответственность только за те общественно опасные действия (бездействие) и серьезные социальные последствия, в которых оно признано виновным. Отметим, что в этом стандарте не говорится о том, что вина признана умышленно или по неосторожности» [31].

Действующая редакция ч. 1 ст. 24 Уголовного кодекса Российской Федерации: «Лицо, совершившее действие умышленно или по неосторожности, считается преступлением. В ней также отсутствует утверждение о том, что вина является только умышленной или неосторожной. Законодательство утверждает, что никто не может быть признан виновным без умысла или халатности» [31].

Исходим из того факта, что вина – это сознательное и добровольное отношение человека к совершенному им общественно опасному поведению и серьезным социальным последствиям, выраженное в форме умышленного поведения или халатности, и представляет собой то, что, следовательно, мы можем сказать, что вина имеет два принципа:

- «вина – это внутренняя составляющая преступления и его субъективный характер, проявляющийся в виде умышленного действия или халатности;
- вина также имеет формальное внешнее проявление действий суда против лица против него. Опасное поведение и его сознательная готовность дать отрицательную оценку серьезным последствиям для общества; в этом качестве вина проявляется как связующее звено между объективными и субъективными признаками преступления» [12, с. 251].

Одна из проблем заключается в том, что уголовное законодательство не закрепляет определение умысла и факта вины. Это раскрывается через тип его содержания. Ввиду этого представляется, что намерение может быть раскрыто

следующим образом: Намерение – это понимание лицом характера и степени общественной опасности и уголовно-противоправности своего поведения (бездействия), которое определяет позитивное волевое отношение к последствиям. Охарактеризуйте содержание намерения, выявив интеллектуальные и волевые компоненты определенных типов намерения. Для этих двух типов намерений сходной чертой является интеллектуальный признак осознания общественной опасности. Осознание незаконности социально опасного поведения и осознание общественной опасности являются характеристиками содержания намерения. Вторым интеллектуальным признаком намерения является предвидение. Предсказуемость основана на возможности или неизбежности для субъекта наступления общественно опасных последствий. Однако возможность предвидеть последствия с прямым умыслом отличается от возможности предвидеть последствия с косвенным умыслом. Волевой компонент намерения варьируется в зависимости от типа намерения [28, с. 15].

Прямой умысел характеризуется желанием иметь негативные последствия, а косвенное намерение – сознательными предположениями или безразличным отношением. Законодательное выражение умысла предназначено для преступлений с материальным составом. Когда в формальных признаках преступления определяется прямой умысел, сотрудники правоохранительных органов обязаны привести общественно опасные последствия в действие. Косвенный умысел применим только к существу преступления.

«Проанализировав исследование формы умышленной вины, мы обнаружили, что существуют некоторые проблемы с анатомической коррекцией преднамеренной вины. Первый вопрос связан с осознанием признаков общественной опасности действия (бездействия).

Законодательная структура умысла показывает понимание действия (бездействия), но не объясняет субъективного отношения правонарушителя к

другим ситуациям (месту, времени, способу и т.д.), теория уголовного права предлагает различные методы решения этой проблемы.

На наш взгляд, лучшим выходом может быть: заменить слово «их действия (бездействие)» на «их действия». Как вы знаете, слово действие используется не только как общее описание действий и бездействия, но и как синоним общеуголовных преступлений. Это изменение поможет дать более четкое законодательное определение намерения на основе его традиционного понимания и устранил возможные трудности в его толковании. На наш взгляд, наиболее разумной является точка зрения, которая должна быть реализована исходя из объективных обстоятельств» [40, с. 1612].

Субъективные характеристики состава без необходимости включаются в сознание, поскольку они либо отражают характеристики правонарушителя. Вторая проблема связана с волевым фактором косвенного умысла, то есть желанием индивида исходить из опасных последствий для общества. Чтобы точно доказать прямой умысел, суд попытался подчеркнуть цель поведения преступника в своем решении. Поэтому некоторые авторы обратили внимание на формулировку в художественном произведении [2, с. 115].

«Части 3. 25 УК РФ с косвенным умыслом выглядит несколько странно. Люди среди них знают факты совершения преступных действий, но в то же время не хотят, чтобы это повлекло за собой общественно опасные последствия. Факты доказали, что его поведение нарушало его волю. Из-за отсутствия мотивации к такому поведению, однако, психологической точки зрения это невозможно, так, данная формулировка нуждается в коррекции» [31].

Рекомендуем корректировать правоприменительную практику в следующих направлениях:

- «в осуждении суд должен указать вид умысла (прямое или косвенное);
- разум и воля прямых и косвенных намерений всегда должны подвергаться принудительному анализу в судебных решениях;

- описание умышленного преступления виновным в правоохранительных органах должно строго соответствовать законодательной структуре;
- расширить практику освобождения от уголовной ответственности за мелкие и средние умышленные преступления, связанные с примирением потерпевших. На наш взгляд, законодательное закрепление вида преступления также нуждается в уточнении» [38, с. 216].

Также можно столкнуться с тем фактом, что при расследовании одного и того же инцидента будут разные варианты квалификации и решения одной и той же задачи правоохранительных органов, потому что сегодня не существует единого правила квалификации преступлений. Сотрудники правоохранительных органов доказали, что любое решение может быть правильным, и единственная проблема заключается в том, что его причина.

Проблема в том, что разные сотрудники правоохранительных органов могут выбирать разные решения, руководствуясь своим более близким подходом к духу науки о квалификации преступлений. Конечно, очень важно проводить различие между виноватым поведением и последствиями. Однако всегда ли при обсуждении нюансов уголовной квалификации необходимо разделять ответственность? В конце концов, это может быть определено как преступное деяние в целом, или оно может быть охарактеризовано отдельно и связано с поведением и последствиями.

Отказ отделять рассмотрение вины за деяние от вины за последствия может привести к трудностям, связанным с различием элементов преступления, и выяснить конкретные обстоятельства преступления будет невозможно. Если вина определяется только за одно деяние, то невозможно ответить на многие из вопросов, на которые даны ответы сегодня, но только в системе координат, устанавливающей вину за деяние и последствия преступления. Принимая во внимание тот факт, что не каждое умышленное деяние является преступлением (речь идет о так называемом преступлении со

смешанной формой состава преступления), необходимо определить психологическое отношение человека к преступным последствиям, и его отношение может быть различным.

Для того чтобы свести к минимуму ошибки при определении формы вины, крайне важно, чтобы субъект правоприменения – должностные лица правоохранительных органов. Всестороннее и исчерпывающее расследование конкретного дела является необходимым условием для правильного определения формы вины. Наличие следственных ошибок и халатность сотрудников правоохранительных органов окажут негативное влияние на правильное определение формы вины. Представляется, что это положение может быть достигнуто только путем регулярного повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Тот факт, что в поведении человека определяется, что это его сознательный волевой акт, не указывает на его вину или невиновность. С момента установления сознательных признаков совершенного поведения начинается процесс определения вины или невиновности человека. В этой связи фундаментальное значение имеет всестороннее изучение различных детерминант преступности.

Таким образом, определен концептуальный компонент вины, то есть форма вины. Принимая во внимание развитие правовых отношений, сложность криминальных методов и развитие представлений о криминальных формах, правоохранительная деятельность сталкивается с проблемами в определении криминальных форм конкретных преступных деяний. Мы выявили некоторые проблемы и указали векторы развития правоприменительной практики, чтобы сбалансировать вопрос определения форм вины.

Понимание вины, ее форм и видов позволяет сотрудникам правоохранительных органов принимать правильные решения о квалификации преступлений и отстаивать основания уголовной ответственности во всех странах. Существуют определенные различия в

правовых системах разных стран, но основные положения уголовного права могут быть существенно схожими. В каждой доктрине преступление понимается как сочетание двух симбиотических компонентов – материального компонента (объективный аспект) и психологического компонента (субъективный аспект).

В целях минимизации ошибок при определении формы вины, крайне важно, чтобы субъект правоприменения – должностные лица правоохранительных органов. Всестороннее и исчерпывающее расследование конкретного дела является необходимым условием для правильного определения формы вины. Наличие следственных ошибок и халатность сотрудников правоохранительных органов окажут негативное влияние на правильное определение формы вины. Представляется, что это положение может быть достигнуто только путем регулярного повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов. Отказ отделять вину за деяние от вины за последствия может привести к трудностям, связанным с различением элементов преступления, и выяснить конкретные обстоятельства преступления будет невозможно.

Заключение

На основании проведенного исследования, а также согласно поставленным целям и задачам, сделаем некоторые выводы.

Понимание вины, ее форм и видов позволяет сотрудникам правоохранительных органов принимать правильные решения о квалификации преступлений и отстаивать основания уголовной ответственности во всех странах. Существуют определенные различия в правовых системах разных стран, но основные положения уголовного права могут быть существенно схожими. Конечно, почти в каждой доктрине преступление понимается как сочетание двух симбиотических компонентов – материального компонента (объективный аспект) и психологического компонента (субъективный аспект).

В Англии, США и других странах, использующих правовую модель общего права, вина является довольно широкой категорией, поскольку она рассматривает мотивацию и цели как обязательные компоненты злого умысла, такие как моральная стабильность психического состояния. Здесь необходимо решить, достоин ли морального порицания когнитивный прогресс индивидуального компонента – это ключевая модель соблюдения прав человека и гражданских прав и свобод.

В британском законодательстве немного ограничено правило строгой ответственности, которое дополняется использованием этой формы халатности, которая содержит объективный, а не субъективный фактор вины – отклонение от стандарта поведения разумного человека.

В теории уголовного права России под виной понимается «психическое, субъективное отношение лица к содеянному в форме умысла или неосторожности».

Судебная практика превратила эти психологические характеристики человеческого поведения в сугубо прагматичный, сугубо объективированный умысел. Этот умысел «связан» с общественно опасным поведением, которое

на самом деле является «предполагаемой халатностью» и нарушением правил техники безопасности.

Независимо от конкретных обстоятельств, связанных с понятием вины, большое количество всеобъемлющих источников современного уголовного права разъясняют определение вины и ответственности за вину. В настоящее время характер и уровень ассоциации несколько иные. Поэтому в общей части УК РФ говорится о большом количестве видов преступлений, вызванных пересечением границ умысла, а в нормах о серьезной ответственности страны публичного права выделяют явный умысел, а также промежуточная форма вины, которая не рассматривается как умысел, но предполагает понимание и последующее отрицание природы и иррациональности принятых рисков, а также установление строгих правил ответственности, даже если они подвергаются критике, возможно осудить человека, не доказав вину.

В общей части законодатели по-прежнему делят преступления на умышленные и неосторожные. Если человек хочет совершить преднамеренный поступок, он признает этот преднамеренный поступок, но даже в этом случае он сознательно допускает возникновение последствий. Неосторожные преступления – это предвидение субъекта, последствия которого наступают, но в то же время субъект предполагает, не задумываясь, что эти последствия следует предотвратить.

Понятие вины в российском уголовном праве не означает понятия оценки вины, поскольку до сих пор не существует метода изучения когнитивного процесса человека и шкалы оценки его вины. Конечно, существует определенная взаимосвязь между психологическими эмоциями человека и негативными последствиями его поведения, но эта взаимосвязь очень сложная и нелинейная.

Характеристика содержания умысла происходит путем раскрытия интеллектуальных и волевых компонентов определенных видов умысла. Для этих двух типов намерений сходной чертой является интеллектуальный признак осознания общественной опасности. Осознание незаконности

социально опасного поведения и осознание общественной опасности являются характеристиками содержания намерения. Вторым интеллектуальным признаком намерения является предвидение. Предсказуемость основана на возможности или неизбежности для субъекта наступления общественно опасных последствий. Однако возможность предвидеть последствия с прямым умыслом отличается от возможности предвидеть последствия с косвенным умыслом. Волевой компонент намерения варьируется в зависимости от типа намерения.

Прямой умысел характеризуется желанием иметь негативные последствия, а косвенное намерение – сознательными предположениями или безразличным отношением. Законодательное выражение умысла предназначено для преступлений с материальным составом. Когда в формальных признаках преступления определяется прямой умысел, сотрудники правоохранительных органов обязаны привести общественно опасные последствия в действие. Косвенный умысел применим только к существу преступления.

По сравнению с косвенным умыслом и наказуемым причинением вреда здоровью значительное число преступлений в настоящее время совершается по неосторожности. Нет никаких сомнений в том, что субъективный аспект каждого преступления является основным элементом состава преступления, поскольку с его помощью он отражает внутреннее содержание преступления.

Если при определении сложной формы преступления имеется умысел, связанный с деянием, и небрежность, связанная с уголовно наказуемыми последствиями, то не существует неоконченного преступления, когда небрежность приводит к последствиям.

В конце концов, если следовать законодательной формуле, предусмотренной ст. 27 УК РФ, то особо общественно опасные деяния, которые всегда совершаются умышленно, должны составлять только оконченные преступления. Следуя этой логике, можно сделать вывод, что виновное лицо всегда должно в полной мере выполнять объективные аспекты

противоправного деяния и осознавать последствия, описанные в нормах уголовного права.

Следовательно, если уголовные последствия, предусмотренные ст. 27 УК РФ, не наступают, то в этом случае всегда имеют место преступления по неосторожности, и подготовленные преступления или покушение на них не могут быть приписаны одному лицу. Другими словами, невозможно подготовиться или попытаться причинить такой вред, такой вред может произойти только в форме неосторожного чувства вины.

Следовательно, при таком утверждении невозможно, чтобы какое-либо преступление со сложной формой преступности имело стадию развития. Только тогда, когда наступают приемлемые последствия, преступник должен нести уголовную ответственность, что указывает на форму небрежного отношения к вине.

Проблема в том, что разные сотрудники правоохранительных органов могут выбирать разные решения, руководствуясь своим более близким подходом к духу науки о квалификации преступлений. Конечно, очень важно проводить различие между виноватым поведением и последствиями. Однако всегда ли при обсуждении нюансов уголовной квалификации необходимо разделять ответственность?

В конце концов, это может быть определено как преступное деяние в целом, или оно может быть охарактеризовано отдельно и связано с поведением и последствиями. Отказ отделять рассмотрение вины за деяние от вины за последствия может привести к трудностям, связанным с различением элементов преступления, и выяснить конкретные обстоятельства преступления будет невозможно. Если вина определяется только за одно деяние, то невозможно ответить на многие из вопросов, на которые даны ответы сегодня, но только в системе координат, устанавливающей вину за деяние и последствия преступления.

Для того чтобы свести к минимуму ошибки при определении формы вины, крайне важно, чтобы субъект правоприменения – должностные лица

правоохранительных органов. Всестороннее и исчерпывающее расследование конкретного дела является необходимым условием для правильного определения формы вины. Наличие следственных ошибок и халатность сотрудников правоохранительных органов окажут негативное влияние на правильное определение формы вины. Представляется, что это положение может быть достигнуто только путем регулярного повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Тот факт, что в поведении человека определяется, что это его сознательный волевой акт, не указывает на его вину или невиновность. С момента установления сознательных признаков совершенного поведения начинается процесс определения вины или невиновности человека. В этой связи фундаментальное значение имеет всестороннее изучение различных детерминант преступности.

Таким образом, определен концептуальный компонент вины, то есть форма вины. Принимая во внимание развитие правовых отношений, сложность криминальных методов и развитие представлений о криминальных формах, правоохранительная деятельность сталкивается с проблемами в определении криминальных форм конкретных преступных деяний. Были выявлены выявили некоторые проблемы и указали векторы развития правоприменительной практики, чтобы сбалансировать вопрос определения форм вины.

Анализ вины, ее форм и видов позволяет сотрудникам правоохранительных органов принимать правильные решения о квалификации преступлений и отстаивать основания уголовной ответственности во всех странах. Существуют определенные различия в правовых системах разных стран, но основные положения уголовного права могут быть существенно схожими. В каждой доктрине преступление понимается как сочетание двух симбиотических компонентов – материального компонента (объективный аспект) и психологического компонента (субъективный аспект).

На практике можно столкнуться с тем, что при раскрытии одного и того же инцидента будут разные варианты классификации и решения одной и той же правоохранительной задачи, поскольку сегодня нет единого правила классификации преступления, сотрудники правоохранительных органов вынуждены доказывать, что любое решение может быть правильным, единственная проблема – это его обоснование.

Проблема в том, что разные сотрудники правоохранительных органов могут выбирать разные решения, руководствуясь своим более близким подходом к духу науки о классификации преступлений. Важно проводить различие между виноватым поведением и последствиями.

В конце концов, это может быть определено как преступное деяние в целом, или оно может быть охарактеризовано отдельно и связано с поведением и последствиями.

Результатом проведенного исследования является вывод о том, что вина – важнейшая составляющая субъективной стороны состава преступления, требующая глубокого и тщательного изучения на основе сложившихся подходов в науке и практике.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алейников Б.Н., Алейникова А.Б. К вопросу о состоянии и перспективах развития суда присяжных в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 1 (37). С. 93-101.
2. Амплеева Т. Правовой обычай в контексте древнерусского судопроизводства // Закон и право. 2007. № 1. С. 114-116.
3. Аринина А.А. Вина в уголовном праве России и зарубежных стран // Вопросы российской юстиции. 2023. № 23. С. 303-307.
4. Вилачева М.Н., Зорин А.И. Противодействие коррупции в органах власти: исторический и правовой аспект // Диалектика противодействия коррупции Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2013. С. 38-40
5. Вирясова Н.В. Понятие и история развития умысла как формы вины // Мировые тенденции и перспективы развития науки в эпоху перемен: от теории к практике : Материалы I Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 30 января 2023 года. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью Издательство: «Манускрипт», 2023. С. 291-293.
6. Гринберг М.С. Преступное легкомыслие [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnoe-legkomyslie> (дата обращения: 30.10.2023).
7. Дробот С.А. Принцип вины в российском Уголовном праве // Аллея науки. 2022. Т. 2, № 6 (69). С. 484-487.
8. Дрыженко Д.Б., Семченков И.П. Организатор преступления соучастником преступления не является // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3 (41). С. 20-23.

9. Дьяконова Д.И. Общественная опасность преступлений с двумя формами вины / Д.И. Дьяконова // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 2(78). С. 71-75.

10. Козаченко И.Я. Модели противодействия преступности: уголовноправовой и криминологический аспекты // Общество и право. 2018. № 1(63). С. 8-13.

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

12. Красовская О.Ю. Некоторые теоретико-прикладные проблемы назначения несовершеннолетним уголовного наказания в виде штрафа // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 9 А. С. 245-252.

13. Красовская О.Ю. Преступление. Состав преступления: учебное пособие / О.Ю. Красовская, Л.В. Григорьева. 2-е издание, исправленное и дополненное. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. 72 с.

14. Махматханов А.К. Проблемы законодательной регламентации умышленной формы вины и его совершенствование // NovaUm.Ru. 2021. № 34. С. 189-191.

15. Михалёв Ю.А. Терроризм как вызов национальной безопасности российской федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. 2013. № 24 (684). С. 174-178.

16. Нарбайева Н.Ж. Проблемы неосторожной формы вины в уголовном праве // Форум молодых ученых. 2021. № 1(53). С. 218-221.

17. Наумов А.В. Уголовное право. В 2 томах. Т.1. Общая часть: учебник для вузов/А.В. Наумов – 5- е изд., перераб. и доп: Москва Издательство Юрайт, 2022 г. 410с

18. Паньков И.В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: теоретический и нормативный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 25 с.

19. Потетинов В.А. К вопросу о расширении оснований и субъектов реабилитации в уголовном судопроизводстве России // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 10-14/

20. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти от 20.01.2014 № 1-78/14 [Электронный ресурс] // URL: <https://avtozavodsky--sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 11.12.2023).

21. Приговор Карабудахкентского районного суда Республики Дагестан № 1-168/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-168/2020 [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/hzSNWDUqYDdH/?regulartxt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (дата обращения 09.11.2021).

22. Приговор Сулейман-Стальского районного суда Республики Дагестан № 1-102/2019 от 30 декабря 2019 г. [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/M2ZKoE5Eu8rW/?regulartxt=&regularcase_doc=&regular-lawchunkinfo (дата обращения 08.11.2021).

23. Рарог А.И. Неосторожность в уголовном праве: пределы наказуемости // Уголовное право. 2022. № 8(144). С. 51-56.

24. Рарог А.И. Понятие и сущность вины в советском уголовном праве // Избранное: сборник статей. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. С. 80-109.

25. Салахова А.И. Преступная неосторожность - как ее преодолеть? // Студенческий вестник. 2022. № 21-7(213). С. 12-15

26. Сербулова Е.А. История развития института вины в отечественном уголовном праве // Актуальные проблемы развития вертикальной интеграции системы образования, науки и бизнеса: экономические, правовые и социальные аспекты : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Воронеж, 26–27 декабря 2017 года. Том 2. Воронеж: Воронежский экономико-правовой институт, 2017. С. 176-182.

27. Смахтин Е.В. Некоторые аспекты методологии криминалистических научных исследований // Юристъ-Правоведъ. 2009. № 5. С. 14-17.

28. Тагиров Т.М. Сущность умышленной формы вины // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 2(141). С. 120-124.

29. Телкина М.Г. К вопросу об определении понятия вины [Электронный ресурс] // Universum: экономика и юриспруденция. 2018. № 9 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-viny> (дата обращения: 13.10.2023).

30. Тирских, А. А. К вопросу о понятии неосторожной вины в уголовном праве // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3(13). С. 129-136.

31. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.

32. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве / Б.С. Утевский. М., 1950. 319 с.

33. Хилюта, В. В. Неоконченное преступление и сложная вина / В.В. Хилюта // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 3(102). С. 7-12.

34. Чанышев Д.А. Вопросы дифференциации вины в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. 27 с.

35. Чельцов М.А. Спорные вопросы учения о преступлении // Социалистическая законность. 1947. № 4. С. 7-9.

36. Шаова Т.В. Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию преступлений // *Еo ipso*. 2022. № 10. С. 68-72.

37. Ширяев В.А. Раздвоенная форма вины и метод установления психического отношения лица к преступлению // Следователь. 2018. № 9. С. 16-21.

38. Ярмонова Е.Н. Понятие прямого и косвенного умысла и их элементы / Е.Н. Ярмонова, К.В. Левченко, В.В. Ярмонова // Актуальные вопросы права,

экономики и управления : Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, Ульяновск, 21 апреля 2023 года / Гл. редактор И.Н. Суетин. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. С. 216-217.

39. Allen M. J. Textbook on Criminal Law. 12th ed. Oxford University Press, 2013. 580 с.

40. Smith S. F. «Innocence» and the Guilty Mind // Hastings Law Journal. 2018. № 69 (6). Page 1609-1672.